

Игорь Журавлёв

ПЕРЕСТРОЙКА 2.0

Творец реальностей - 1

МИСТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

18+

Игорь Журавлев

Перестройка 2.0

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63353331

SelfPub; 2022

Аннотация

Гоша Куба алкоголик и бомж с 20-летним стажем. Но и ему может выпасть шанс прожить жизнь заново. Особенно, если бывший учитель математики мечтает исправить Перестройку. Нет, не сохранить СССР, но сделать так, чтобы переход к капитализму прошел менее болезненно для большинства населения, без "лихих 90-х". Но может ли хоть что-то поменять, возвратившись в свое 20-летнее тело в 1984 году, обычный парень из провинции? Вряд ли, если только ему не помогает инкарнация серафима. Только вот где он на самом деле, и кто такие его помощники? Да и кто такой он сам? Вопросы важные, но игра уже начинается.

Содержание

Часть I	4
Глава I	5
Глава II	40
Глава III	58
Глава IV	87
Глава V	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Игорь Журавлев

Перестройка 2.0

Часть I

«Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему:

иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов».

(Евангелие от Матфея: 8:21,22)

Глава I

Поздняя осень, сумерки. Нудный, морозящий дождь. Вла-га и холод, пронизывающий до костей. Вода течет по лицу с облепивших голову волос, мокрая одежда прилипла к телу. Непонятно, утро или вечер, всё сливается в каком-то безна-дежном и тоскливом мареве. Под ногами узкая проселочная дорога, с мокрым выщербленным асфальтом. Дорогу с двух сторон обступает голый и темный лес, один только взгляд на него вызывает тоску, похожую на зубную боль, и чувство полной обреченности. Я бегу по этой дороге из последних сил, ноги подкашиваются, я то и дело спотыкаюсь. Дыхание рвет грудь, и всё больше напоминает какие-то жалкие всхли-пы. Я очень устал и мне не хватает воздуха. Надо бы остано-виться, отдохнуть, перевести дыхание.

Но страх, нет – ужас гонит меня вперед, из последних сил заставляя переставлять ватные от усталости ноги. Где-то внутри я понимаю, что не смогу убежать и это понима-ние отнимает у меня последние силы. Я запинаясь, падаю, но заставляю себя вновь подняться и переставлять ноги. На-до бежать!

Но нельзя убежать от смерти.

Эта тварь играет со мной, она скользит меж кустами и де-ревьями вдоль дороги. Молча, бесшумно. Если не огляды-ваться, то и не услышишь. Я не знаю, кто это, но на чело-

века не похоже совсем. Когда я в страхе поминутно кошу глазами назад, то вижу лишь смазанный силуэт, напоминающий большую обезьяну. Но это не обезьяна, скорее, какой-то монстр из фильмов ужасов. И тварь хочет меня убить, потому что в руке у нее топор. В огромной волосатой руке с длинными, изогнутыми когтями. С каждым шагом тварь всё ближе, но я не слышу ни шороха, ни дыхания. И от этого страшно еще больше. Если бы тварь пыхтела, рычала, выла, то, кажется, было бы легче. Но полная тишина сводит меня с ума. Только тихий шум дождя, мое хриплое дыхание и стук ботинок по старому асфальту. Мокрые волосы шевелятся на моей голове. Ужас. Он пронизывает меня, парализует волю, и я вновь падаю. Падаю и знаю, что она уже за спиной. Из последних сил стараюсь подняться, с криком заставляя цепенеющее тело двигаться, а когда это почти удается, в мою спину вонзается топор. Страшная боль взрывает мозг и я ору.

* * *

Июнь 2020 года.

Ору, и с этим криком просыпаюсь.

Господи, опять этот кошмар! Кошмар, повторяющийся каждую ночь. Как я устал от него! Я лежу в темноте с колотящимся от страха сердцем. Это сон, всего лишь сон, это всего лишь проклятый долбанный сон! Но плохо-то мне по-настоящему. Тело в липком поту, внутри всё трясётся и ноет каждая косточка. И тошнота, выворачивающая внутренности.

Впрочем, это как раз нормально, в смысле – привычно.

Кошмар здесь ни при чем. Это всего лишь говорит о том, что я еще жив. Что пока еще не сдох. А жаль. Больше двадцати лет непрерывного отравления собственного организма далеко не лучшими образцами винодельческого искусства могли бы уже, наконец, прикончить это никчемное тело. Каждое утро, просыпаясь, я испытываю сожаление, что и эта ночь не стала для меня последней. Что я не умер во сне, что эта тварь не зарубила меня, что сердце не остановилось, прекратив мое бессмысленное существование. И это значит, что надо опять вставать и куда-то тащиться в поисках очередного пойла, без которого я давно, очень давно не чувствую себя человеком. Впрочем, когда пьяный, я уже тоже не чувствую себя человеком, но тогда мне хотя бы всё равно. Спиртное стало лекарством, которое не приносит радости, лишь временное облегчение, одновременно убивая. Что, впрочем, меня не пугает, ибо смерть давно стала желанной гостьей.

Рядом кто—то заворочался. На мгновение страх вновь пронзил мозг — тварь здесь? Но этот страх я подавил усилием воли. Если здесь и есть, какая тварь, то явно не из моего кошмара. Протянув руку, я попытался на ощупь определить, кто это. И не определил. Что, впрочем, не удивительно, в этом ворохе тряпья, которое служит мне постелью, определить что—то затруднительно. К тому же все мои чувства, включая осязание, идут вразнос, и полагаться на них с похмелья нет никакого смысла.

И тут из темноты раздался хриплый, пропитой голос:

– Отвали!

Лёля. Моя, как бы это сказать... ну, пусть – подружка. Я постоянно пытаюсь вспомнить, откуда она вообще взялась, но это у меня никогда не выходит. Получается, что просто однажды я проснулся, а она рядом, как будто так и надо. Как будто всегда здесь была. Это всего лишь одна из многих загадок, сопровождающих мои последние годы, ибо память моя изобилует черными дырами, как космос. Если, конечно, верить астрономам. Иногда мне кажется, что она – это не она. Что на самом деле она что-то другое. Смешно сказать – что—то неземное, небесное. Но, конечно, бомжиха как бомжиха – грязная, пьяная, неопределенного возраста, хотя явно гораздо младше меня. Однако со своими глюками я давно сжился, даже не стараясь уже различать, где явь, где сон, а где глюк. Всё перепуталось в моем пропитом разуме, всё смешалось. Но так даже интереснее. Иногда я думаю, что нет никакой Лёли, что я ее просто придумал, чтобы было веселее, чтобы не скучать одному, чтобы не страшно... Как дети придумывают себе вымышленных друзей. За эту версию говорит, например, тот факт, что она никогда не ходит со мной на промысел. Я ухожу – она остается, говоря, что пойдет позже. Прихожу – она уже здесь. Так что, вполне возможно, что уже долгое время я живу с глюком. Я долго думал об этом и пришел к выводу, что, если ты не отличаешь настоящее от вымышленного, то какая разница? Тогда вымышленное становится для тебя настоящим.

С тех пор и живем, в основном, вместе. Время от времени я делаю слабые показательные попытки отделаться от неё, сам не понимая, зачем. Вот, важно мне для чего—то иногда демонстрировать свою полную независимость от кого бы то ни было – и всё тут. Но она как клещ – вцепилась, не отдрать. Впрочем, на самом деле я, конечно, вовсе не хочу, чтобы она уходила, всё же душа живая рядом. Не так страшно по ночам. С ней этот тёмный подвал не кажется могилой, в которой меня случайно закопали, сочтя мертвым. Да и польза от неё, какая-никакая, имеется: постирать там или пожарить приготовить. Она хоть и ругается, но делает. Она вообще странная, иногда я её боюсь. Бывает, смотрит, смотрит на меня долгим и каким-то изучающим взглядом, как на подопытную мышь. Порой от этого её взгляда мороз по коже. Особенно, с похмелья. А иногда взгляд другой, замечая который я вдруг чувствую себя ребенком рядом с мамой. Это, в основном, когда пьяный.

Впрочем, иногда у нас бывает и «любовь» – в кавычках, разумеется. Ибо назвать эти редкие случки любовью язык не поворачивается. Да я вообще-то всё реже испытываю потребность в этом деле. Возраст, конечно, хотя... 56 лет для мужика не старость. И не молодость – да, далеко не молодость. Но всё же еще и не старость. Читал, помню, как—то, что по новой классификации ВОЗ¹, молодость сейчас с 18

¹ ВОЗ – всемирная организация здравоохранения

до 44 лет, а с 44 до 60 – средний возраст². Пожилым человеком считается лишь после 60 и до 75, после чего наступает старость. Так что, 56 лет – это нормальный средний возраст. Еще целых четыре года до пожилого человека!

Но это у нормальных людей. У нас, алкашей, это практически предел жизни. А для большинства даже за пределом.

Лёля, хоть и моложе меня лет на двадцать, а то и на все тридцать, но выглядит не намного лучше. Женщины вообще быстро спиваются и теряют человеческий облик. Мужики всё же, в среднем, подольше держатся, по моим наблюдениям. Не знаю, почему так. Наверное, это как-то связано с их, бабским, устроением.

Нет, так-то Лёля безотказная. Только вот ей все равно. Говорит, что ничего не чувствует. Но к моим, с каждым разом все более редким желаниям относится с пониманием. Вроде как долг какой-то исполняет: типа, положено так, раз вместе спим. Хотя и смеется надо мной часто, когда у меня ничего спьяну не выходит. Циничная она очень в этом вопросе, вот что я скажу. Но я не в обиде, в конце концов, какая мне разница? Учитывая, что партнер я по этой части давно уже совсем никудышный. К тому же, меня не отпускает ощущение, что Лёля на самом деле играет роль. Знаете, так артистка вживается в образ бомжихи, копируя все её чувства и эмоции. А на самом деле, за пределами съемочной площадки, всё совсем не так. Меня вот только забыли посвятить в сце-

² Действительная современная классификация ВОЗ.

нарий. Ладно, это всё лирика.

– Лёля! – хриплю я, и сам себя с трудом понимаю. Во рту пересохло так, будто туда песка насыпали – не сглотнуть, слюна отсутствует как явление. Я протянул руку, чтобы толкнуть соседку, но с первого раза не попал. Колотит уже так, как в бетономешалку засунули. Собираюсь с силой и вновь тычу куда-то вбок, и на этот раз во что-то попадаю. Прозвучавший сонный мат показал, что на этот раз я попал куда надо. Лёля заворочалась, зашарилась, не переставая вяло ругаться, она в этом деле большая мастерица. Раньше, помню, читал, что боцманы на флоте умеют лихо матерные кульбиты заворачивать. Не знаю, не слышал, но, думаю, Лёля точно им не уступит. И это тоже представляется странным, каким-то наигранным. Так и хочется крикнуть, подобно Станиславскому: не верю! Или кто там так постоянно кричал? Вроде, он.

Зажглась спичка, и её свет в темноте ударил по глазам. Я зажмурился, а когда открыл глаза вновь, то в изголовье уже горел огрызок свечи. Тоже Лёля притащила откуда-то. Говорю же – хозяйственная она. Если бы не спилась, может, хорошая жена и мать из нее бы вышла. Хотя, возможно, и была у неё семья, надо будет как-нибудь спросить. Но, если честно, мне наплевать. Мне и на себя-то давно наплевать, чтобы еще кем-то другим интересоваться.

Что-то звякнуло и полилось. Надежда робкой голубкой торкнулась в сердце – неужели? Неужели ещё осталось? И

точно – отвратительный и притягательный запах сивухи поплыл в полутьме подвала, нежнейшим своим ароматом обещающая прекращение страданий.

– На,, травись! – Лёля протянула мне грязную алюминиевую кружку с давно отломанной ручкой.

Дрожащими руками я схватился за холодный металл и чуть не опрокинул, так меня колотит. Хорошо, Лёля, всё понимая, кружку не отпустила, умница моя. Похмелиться для алкаша – дело совсем не простое, как кто-то может подумать. Оно связано с определенными трудностями. Такими как, например, я уже упоминал, нарушение осязания и трясущиеся руки. А еще потеря ориентации, что на практике означает трудности с попаданием в собственный рот своими же руками.

Когда кружка приблизилась ко рту, и в нос шибануло этим живительным запахом, то желудок, учуяв его, рванулся к горлу, в тщетной попытке избежать страданий. Однако, как пел Высоцкий: *«но было поздно, но было поздно»*³! Если уж спиртное попало внутрь меня, я его не выпущу.

В это время Лёля тоже похмелилась. Она молодая, организм еще не такой изношенный, хотя с виду и не скажешь. Тем не менее, водку левого разлива она пьет как воду в любом состоянии, даже с похмелья. Женщины – они вообще загадочные с мужской точки зрения.

Пока я размышлял о странностях бытия и гендерных за-

³ Из песни Владимира Высоцкого «Но тот, кто раньше с нею был».

гадках, боль в голове постепенно уходила, и приятное тепло разливалось по телу. Дрожь утихла, все пять чувств по очереди стали припоминать свои обязанности и рука уже увереннее протянула кружку Лёле:

– Наливай!

Она плеснула остатки жидкости из бутылки, грамм пятьдесят, не больше.

– Это всё? Больше нет?

– Нет, но ты допивай, мне пока хватит.

Я не стал возражать, уговаривать – нет, значит, нет. Ей виднее, в благородство играть не собираюсь, типа: «Да нет, мадмуазель, только после вас!». И остатки палёной водки отправились по проторенному пути. После чего, уже почти совсем твердой рукой нашарив в кармане старую картонную коробку из-под сигарет и, обнаружив там несколько «богатых бычков», довольно откинулся на тряпье, пуская дым в темноту. Жизнь продолжается!

Тем временем, Леля отошла в угол, где у нас что-то типа туалета, пожурчала там, что напомнило мне о низменных потребностях моего собственного тела. Но вставать было влом, и я решил терпеть, пока есть силы. Из угла принесло запах свежей мочи, отчего я вновь загрустил. Хотя, если подумать, какая связь? А вот, поди ж ты...

То, что я алкоголик, я понимал, и принимал это спокойно уже много лет. И то, что сдохну скоро где-нибудь на помойке или вот в таком подвале, меня тоже несколько не беспо-

коило. Смерть всегда где-то рядом, а алкаш, вроде меня, вообще, можно сказать, ходит с ней под руку. Желание у алкаша только одно – выпить. Это составляет цель и смысл жизни. Никаких других целей и смыслов у него нет. А поэтому, надо вставать и выходить на свет Божий именно с этой целью – найти где-то самое дешевое пойло, обретая тем самым смысл. И, если повезет, что-нибудь пожевать. Но это уже вторично.

* * *

Ну, а уж коли похмелился, можно теперь и представиться. Кличут меня Гоша Куба. Именно кличут, поскольку это кличка. Зовут меня немного иначе. А вот кличут так потому, что когда напьюсь, всегда вспоминаю Кубу, где мне довелось, еще в прошлой жизни, пару раз отдохнуть с семьей. Говорят, ору, что Куба в моем сердце, что она зовет меня, и завещаю похоронить мой прах в Варадеро, развеяв его над Атлантическим океаном. Все ржут, конечно, подкалывают. А я и не помню даже этого. Ну, вы в курсе – алкогольная амнезия, лоскутная память. Всё это рок-н-ролл, как пели кумиры прошлых лет. Некоторые из них, кстати, тоже спились. Это хорошая мысль, приятная, успокоительная: дескать, если уж даже они, то и мне не так обидно! Все пьют, просто мне не повезло.

Хотя, если вы хоть раз бывали на пляже Варадеро, вы меня, конечно, не осудите. Помню, читал где-то, что Колумб, впервые увидев Кубу, записал в дневнике что-то типа: «*Это*

прекраснейшая из земель, которую когда-либо видели глаза человека...». И я с ним полностью согласен. Может, кто-то захочет поспорить с этим утверждением, но я лично спорить не буду, ибо на вкус и цвет, как известно, товарищей нет. Но полупустынный бесконечный белоснежный пляж из кораллового песка с накатывающими на него лазурными волнами – это лучшее из воспоминаний моей прошлой жизни. Я помню алеющий закат над океаном, летящих над волнами пеликанов, пальмы, склоненные над песком и себя, сидящего в шезлонге с книжкой на коленях, любующегося на эту красоту и мечтающего запомнить этот час на всю жизнь. Ну, по крайней мере, хоть это я не забыл.

Есть у меня, конечно, и нормальное имя, как меня когда—то называли мать с отцом, а потом и жена – Егор. По паспорту – Егор Николаевич Соколов, бывший интеллигентный человек – БИЧ, как говорили еще во времена СССР. Сейчас правда именуют иначе – БОМЖ, но суть от этого не меняется. Да и нет у меня никакого паспорта, еще года три назад продал «черным» за литр. Как нет и квартиры или другого постоянного места жительства. Последние несколько месяцев с Лёлей в этом подвале кантуемся. Ну, или я один с глюком.

И мысль опять свернула на Лёлю. Кто она такая, откуда взялась, как докатилась до жизни такой – я не знаю. Вроде бы как—то обмолвилась, что медсестрой работала или даже врачом, но я тему продолжать не стал. Медсестрой, врачом

или коновалом, мне какая разница? Сейчас просто бомжиха Лёля. Хотя и странная. Я уже говорил, что никогда не видел ее на «промысле». И никто из моих знакомых не видел. Но к вечеру, когда я возвращаюсь, она всегда уже там, всегда с «уловом», и всегда неплохим – пожевать, там, и выпить. Я никогда не спрашиваю, откуда. Какая мне разница? Здесь главное результат.

Я, собственно, одиночка, не люблю компании, особенно, когда трезвый или с похмелья. Когда выпью, конечно, все алкаши – братья, а все бабы – красавицы. Но это уже не я, это водка во мне выпендривается. Так-то я, скорее, интроверт, мне одному никогда не скучно, а компании на трезвую голову раздражают. Но водка меняет человека, это всем известно.

Поэтому плелся я как всегда один по бульвару, а народ от меня тоже привычно шарahalся. Воняю я, наверное, ужасно, но я-то этой вони уже не чувствую. Умом знаю, что должна быть, а нюхом не чую и всё тут. Стерпелся с ней, сросся, снюхался. А потому и на народ, шарахающийся от меня, внимания не обращаю, в конце концов, это их проблемы. Мне и своих проблем хватает. Вернее, только одной проблемы, самой главной, самой насущной и жизненно важной: где найти выпить?

Варианты есть разные. Можно, например, по мусорным бакам пошарить, что-то всегда найдется. Но я не люблю, муторно это. Хотя давно уже ничего не стесняюсь.

Можно попытаться что-то украсть, но и это у меня никогда нормально не получается. Ну, нет у меня коммерческой жилки. Странно, но почему-то всегда коммерция у меня в голове соединяется с воровством, мне кажется, что для того и другого нужны схожие качества. Это как, знаете, полиция и бандиты на самом деле люди одного склада и лишь случай разводит их по разные стороны закона. В этом мне тоже не однажды приходилось убеждаться на собственной шкуре. Другой раз уж лучше к бандитам попасть в руки, чем к ментам.

Понимаю, что не все, наверное, такие и, возможно даже, что хороших ментов больше. Но мне почему-то в основном плохие попадают. Наверное, хорошие менты попадают только хорошим людям. В чем, по большому счёту, есть даже некая социальная справедливость.

Июньское солнце припекало грязную обросшую голову, и я перешел на другую сторону бульвара, туда, где тень от старых тополей давала хоть какую-то защиту. Утренние сто пятьдесят грамм, выпитые в подвале, постепенно выветрились. Опять становилось тошно, как на душе, так и во всем теле. Привычно заныл шрам под сердцем – память об Афгане, куда меня ещё в лохматом 1982 году загнали молодым солдатиком, глупым и наивным, твёрдо верящим в идеалы и справедливость, в интернациональную помощь братскому народу, выбравшему социалистический путь развития. Что, конечно, на войне из меня быстро выветрилось.

Нет, я не десантура какая, типа – «*Никто, кроме нас*» и остальные понты. Видел я их на войне всякими. Это вам не пьяными в фонтане купаться или тельняшки перед девчонками рвать. Война сразу показывает, кто есть кто. Вы не подумайте, я против них ничего не имею, нормальные ребята, воевали как все. Но основную работу все-таки делали не они, а такие, как я – обычные лошадки войны, на которых все и держится. Короче, пехота, если по-старому. А по-современному – мотострелковые войска.

Что обидно, все полтора года после учебки ни единой царапины, а под самый конец, когда уже дни до дембеля считал, да парадку подшивал – на тебе! Как будто Афган не хотел отпускать меня, не оставив о себе ничего на память.

Мы тогда колонну сопровождали, обычное дело, наша рота этим в основном и занималась последние месяцы. Да и участок относительно спокойный был, поскольку не самый удобный для засады. Поэтому мы не особо и бдели, если честно, кто-то даже дремал. Известно, что солдат пользуется каждой минутой, чтобы поспать. Это правило в армии быстро усваиваешь. Я, например, научился спать даже стоя в строю по стойке смирно. Короче, расслабились мы. На этом нас и подловили. А потому, когда сверху застучали автоматы, я только и успел, что голову вскинуть, как одна из первых же пуль нашла свою цель. Мне словно кувалдой в грудь с размаху засадили, швырнув меня в спасительную тьму.

Дальше почти ничего не помню. Так, какие-то смутные

образы, обрывки воспоминаний, да и то я не уверен, что это мне не привиделось в бреду. Но тварь в моих снах именно тогда и появилась.

По настоящему очнулся уже только в ташкентском госпитале, где я проходил курс реабилитации после операции, которую сделали еще в Кабуле. Хирург сказал – чудо меня спасло, еще бы пару миллиметров и пуля вошла в сердце.

Я сейчас часто жалею о том, что меня тогда не убили. Не шарился бы сейчас по помойкам в поисках жратвы. И дочь моего другого мужика не называла бы папой, потому что не было бы у меня дочери. Эх, ладно, что об этом думать, всё равно ничего не изменишь!

В общем, пока валялся по госпиталям, время дембеля подошло. И поехал я домой. Да что там рассказывать, жизнь как жизнь. Вполне нормальная жизнь, в общем. Пединститут, работа учителем математики в сельскохозяйственном техникуме. Любовь, свадьба, рождение дочери, планы, надежды.

Развал СССР пережили, конечно, тяжело. Учителей тогда, в девяностые, вообще за людей не считали. Тогда-то я потихоньку и начал выпивать. До этого практически в рот не брал. Ну, если рюмку – другую в компании по праздникам, да под хорошую закуску. Это было начало, самые первые шаги по направлению к тому подвалу, где я сейчас обитаю. Правда, тогда я этого не понимал. Думал, как-то всё устроится, наладится. Все так думают вначале, никто нико-

гда на чужом опыте не учится. Всем кажется, что уж у них-то будет совсем не так. Наивные...

Хорошо, жена у меня бухгалтер по образованию, устроилась в частный банк. Ну, то есть, это я сначала думал, что хорошо. На ее зарплату, считай, и жили. Но именно это, в конце концов, и погубило нашу семью. Если, конечно, не считать мои всё учащавшиеся загулы. В общем, всё в совокупности и привело к краху семьи, а заодно и моей жизни. Жена-то у меня красавица была, получать стала много, начались корпоративы по праздникам и разным датам. Меня она с собой не брала, стеснялась, наверное. А может, просто боялась, что я там напьюсь и устрою пьяный дебош. Это она зря, я мирный вообще-то, когда пьяный. Но...

В общем, дальше больше. Роман с коллегой, успешным менеджером какого-то там звена. Нет, я ее не сужу, понимаю даже в чём-то. Она еще молодая была, красивая, да и дочь растить надо, зачем ей муж неудачник? А потом, хотя она и держала свои связи в тайне, но это же всегда видно!

И от всего этого я стал выпивать еще больше. Выпьешь – и, вроде, не так всё плохо. Но только, знаете, не средство это, потому что на утро все становится только хуже. Проблемы не уходят, а лишь усугубляются. Таково неперемнное свойство алкоголя. Я это ещё поначалу понимал, но в безысходности окружающей жизни было уже всё равно. Начались запои, с работы выгнали. А потом, как-то очнувшись от пьяного угара, обнаружил, что жена со мной развелась. Поскольку я на

суд не явился, развели без меня, показаний свидетелей жены хватило.

Ушел я сам, с одним рюкзаком за плечами. В никуда ушел, поскольку родители несколько лет тому, как отошли в мир иной, квартиру мы их продали, чтобы купить ту, в которой жена с дочерью осталась. А других родственником у меня и нет. Ну, таких родственников, чтобы приняли алкаша. Алкаши не нужны никому, разве что родной матери. Да и той до времени.

С тех пор живу на улице, больше двадцати лет. Долгожитель, по здешним меркам. Ветеран бомжачьего труда. Тех, с кем бомжевал в самом начале, уже давно никого в живых не осталось. Да и те, кто приходил позже, тоже в большинстве копыта откинули. Целое поколение за это время выросло! А я вот еще топчу землю. Но я это уже говорил, вроде. Не обращайтесь внимания, со мной такое часто бывает.

Короче, я Гоша Куба. Разрешите, так сказать, представиться. Хотелось бы сказать – «Честь имею!», но ни чести, ни совести, ни уважения к себе – не имею уже давно. Всё пропито, забыто, да и хрен с ним!

* * *

Этого мужика я заметил сразу. Последнюю неделю он, как бы случайно, постоянно попадаетея мне на пути. Но я уже понял, что совсем не случайно. Смотрит на меня издалека, наблюдает. Но пока не подходит. Я особо не боюсь, на органы меня не порежут, ибо всё уже внутри на ладан дышит,

кому такие органы нужны? Собаки, наверное, есть не станут. На тех, которые бомжей в рабство забирают, он тоже не похож. Те наглые, бешенные, они не присматриваются – кулаком в зубы и в багажник. Всё равно никто никогда искать не станет. Меня ведь официально как бы и не существует. Да и воздух в городе чище, когда бомжей меньше. Короче, хорошо всем, кроме, понятно, самих бомжей. Но даже эти на меня не позарятся, настолько плохо я выгляжу: старик стариком, какой из меня работник? Окочурюсь в первый же день, больше возни со мной будет, чем прибыли. Они же тоже не дураки, хотя и отороженные на всю голову.

Однако мужика этого я все же немного опасался, мало ли, может, маньяк какой? Их, судя по газетам, сейчас развелось, что блох на бродячей собаке. Но опасался все же не особенно, настолько мне на свою жизнь было давно наплевать.

Так я плелся в теньке тополей, зыря по сторонам и, соображая, где бы выпить еще? Впереди была кафешка со столиками на улице в тени тополей, там продавали, в том числе и разный алкоголь на разлив. Был небольшой шанс, что кто-то оставит пару глотков. Встречаются порой такие сердобольные. Но могут, конечно, и погнать. Здесь уж как карта ляжет.

И тут этот мужик всё же ко мне подошел. Среднего роста, в очках, сразу видно, дорогих. Знаете, такие бывают – не солнечные, но с затемненными стеклами, что по рецепту делают. Белая рубашка с коротким рукавом и крокодил на

кармашке, бежевые легкие брюки и бежевые же туфли. Тоже очень дорогие, сразу видно. Кожаная сумка через плечо. На глаз – мой ровесник, хотя, конечно, сравнивая нас, никому такое и в голову не придет. Он – крепкий, холеный мужчина, а я... ну, вы в курсе.

Незнакомец не стал ходить вокруг да около и сразу пошел с козырей:

– Выпить хотите?

Я ответил быстро и честно:

– Хочу.

– Пойдем, – он указал на кафешку, – я угощаю.

– Ага, – кивнул я.

Что я, дурак что ли, такой шанс упускать? Понятно, что ему от меня что—то надо, никто задарма поить не будет, тем более, таких, как я. Он должен выпивать с ровней себе, а не с бомжом. И в этом тоже есть социальная справедливость. Но в данный момент вопросы социальной, как, собственно, и любой другой справедливости меня совершенно не волновали. По любому сначала нальет, а потом уже разговаривать будет. Мне только то и надо, сейчас главное – выпить. Там и голова лучше соображать начнет, эта липкая вата в мозгах, глядишь, развеется.

Мы подошли к столику в теньке и сели напротив друг друга. Прямо, стол переговоров! – промелькнуло в голове.

Подошедшей официантке мужик заказал две большие кружки черного крафтового живого пива, блюдо креветок и

двести грамм водки.

– Есть будете что-нибудь? – спрашивает меня.

– Пока не хочу, а там посмотрим, – отвечаю нагло. А чего? Это же ему от меня что-то нужно!

– Тогда пока всё, – это он официантке. И тут же, без перерыва, обернувшись ко мне:

– Меня зовут Александр Валерьевич. Позвольте узнать ваше имя?

– Гоша Куба.

– Надо же! – прищурился новый знакомый. – А в паспорте как записано?

– Никак, нет у меня паспорта.

Он хмыкнул и улыбнулся:

– По крайней мере, чувство юмора еще не пропили. Ну, ладно, а мама с папой как назвали?

– Мама больше «сыночкой», папа мог порой и «балбесом».

Я поколебался, но всё же добавил:

– Егор я, Егор Николаевич.

– Ну, вот и познакомились, Егор Николаевич.

– Самое время выпить за знакомство, – делаю я большой намек, что пора бы уже заняться тем, зачем он меня позвал. Иначе, что это за разговор, в самом деле?

Он понимающе кивает, очень внимательно рассматривая меня. И взгляд этот мне кого-то очень сильно напоминает. Только вот кого, я так сразу и не соображу. Может, мы с ним

были знакомы в прошлой жизни, потому и пригласил? Но зачем тогда имя спрашивал? Чтобы убедиться? Так-то оно так, во мне сейчас трудно узнать подающего надежды преподавателя, писавшего кандидатскую диссертацию по математике.

А тут и официантка подкатывает с кружками в одной руке и блюдом креветок в другой.

– Что ж, – он поднял свою кружку, – за знакомство!

Я молча присосался к своей. Мне пока не до вежливых тостов, надо погасить внутренний пожар. В общем, эту кружку я сделал зараз. После чего удовлетворенно откинулся на спинку стула и посмотрел на своего спасителя:

– Александр Валерьевич, сигареткой не угостите? – решил я завести светскую беседу.

– Не курю, но сейчас купим. Вы какие предпочитаете?

Я даже растерялся. Уже очень давно я предпочитаю любые, лишь бы, как говорится, дым шел.

– Ну, давайте «Честерфилд», что ли..., – вспомнил я свои давние пристрастия. Курить я начал поздно. Практически одновременно с тем, как начал пить. И поначалу, конечно, как и все, предпочитал известные марки.

Официантка, принеся сигареты, строго предупредила:

– У нас курение запрещено!

– В курсе. – И уже Валерьичу, – я отойду, подымлю?

– Давай! – согласился он, не проявляя беспокойства о том, что я могу сбежать. А чего ему беспокоиться, спрашивается? Водка-то на столе! А она для меня самый надежный крючок

– не сорвешься! Даже если скажут, что он тебя потом прирежет, я отвечу: может, потом и прирежет, а может, и нет, но сначала я выпью.

В общем, стою я, курю в сторонке и думаю. Пиво приятно разливается по телу и прочищает мозг, в котором постепенно появляются и другие мысли, не только о выпивке. Что же ему от меня все-таки надо? И не стоит ли мне все же, наплевав на водку, лучше потихоньку смыться отсюда? Вдруг, и правда прирежет? Может, он какой-нибудь маньяк, вообразивший себя санитаром, очищающим город от грязи. Задарма никто не угощает, это я на своей шкуре уже много раз испытал, и крепко усвоил. Но, с другой стороны, а что я теряю? А терять мне и правда, совершенно нечего. Жизнью я давно не дорожу, а больше у меня ничего и нет. Мелькнула мысль о Лёле, но тут же пропала. Лёля и сама о себе способна позаботиться. Да и неясно еще ничего, а водка – вон она, стоит и, между прочим, греется. Мысль о Лёле что-то тронула в мозгах, какая-то ниточка потянулась и... оборвалась.

В общем, жажда выпить победила. Докурил я, затоптал бычок, да и вернулся опять в кафешку, где ждал меня улыбающийся Александр Валерьевич.

* * *

– Вы пейте, – еще раз белозубо улыбнулся он, когда я уселся за стол, – я в это время крепкие напитки не употребляю.

Я в ответ тоже оскалил свои нечищенные и потянулся к столу. А что? Даже ещё и лучше, мне больше достанется! Ко-

роче, возражать и отнекиваться я не стал. Довольно твердой уже рукой налил себе стопарь и ловко опрокинул его в рот. Другая рука потянулась к блюду с креветками.

Когда вновь откинулся на стуле и поднял голову, опять поймал этот его изучающий взгляд. На этот раз память не подвела, прочистилась память от водочки-то! Я сразу вспомнил, кого мне этот взгляд напоминает. Вот, что водка животворящая делает! Да Лёлю же, ёлы-палы! Она точно так же меня порой рассматривает, как будто микроба какого-нибудь под микроскопом – с чисто научным интересом. Я пожегился, но Валерьич вновь белозубо улыбнулся, и наваждение спало. Чего это я, действительно? Какая еще Лёля? Где бомжиха Лёля, а где это ухоженный, явно не бедный мужик.

– Может, всё-таки, что-то горячее заказать? – вновь поинтересовался мой благодетель.

– А что? Можно! – На этот раз я не стал отказываться, ибо аппетит потихоньку начал просыпаться.

Он подвинул ко мне меню:

– Выбирайте.

Я пробежался глазами по строкам и заказал себе плов с бараниной подошедшей официантке. Валерьич ничего заказывать себе не стал. Наверное, тоже по утрам не ест.

Пока не принесли мой заказ, я, не спрашивая, налил себе ещё стопарик и с удовольствием выпил. Да, давненько я такой водочки не пробовал! Это вам не та дрянь, что барыги по дешевке продают.

Далее, как и полагается, алкоголь, добравшись до мозга, нажал там какой-то переключатель, который обычно переводит меня из категории интровертов в категорию экстравертов. И меня тут же потянуло на общение.

– Ну, Александр Валерьевич, выкладывайте, что вам от меня нужно. Только не говорите, что вы поите меня исключительно из благородного чувства жалости. Всё равно не поверю.

– И не подумаю, – ответил он. – У меня к вам есть интересное предложение.

– Квартиры и вообще никакого имущества у меня нет, – сразу расставил я все точки над ё.

– Ну что вы, Егор Николаевич! Я не настолько плохо разбираюсь в людях, чтобы предположить у вас наличие квартиры, – ухмыльнулся он. – Мои интересы лежат совсем в другой области.

– В какой же? Надеюсь, вы нормальной ориентации?

Он непонимающе уставился на меня, нахмутив брови. Но тут, видно, дошло, и он захохотал до слез. Утираясь белым в синюю полоску платком, ответил:

– Ну, даже будь я голубым, поверьте, на вас в вашем сегодняшнем обликии, я бы вряд ли соблазнился.

Хотите, верьте, хотите – нет, но мне это почему-то показалось очень обидным. Вот, вроде бы, с чего? Но, однако же! Видимо, водка заиграла, а потому я грубо спросил:

– Чего тогда тебя от меня надо, мил-человек?

– Хм. Ну, скажем, я изучаю поведение человека, попавшего в экстремальные обстоятельства.

– Я-а-сн-о, ищете подопытного кролика? – протянул я, нелогично вновь перейдя с дерзкого «ты» на более неопределенное «вы».

– В некотором смысле, но точно не в том, в каком вы предполагаете.

– А в каком я предполагаю?

Он помолчал, изучая меня «лелиным» взглядом. А потом вдруг как ляпнет:

– Как вы думаете, Егор Николаевич, сколько вам осталось жить?

Странный вопрос, согласитесь. Однако водка гуляла, и я с вызовом ответил:

– Да сколько бы ни осталось, всё моё!

– Это понятно. Вот только осталось вам жить совсем немного. Если точнее, вы умрете этой ночью. Нет, нет! Не подумайте ничего такого. Вас никто не убьёт и вообще не причинит никакого вреда. Просто не выдержит сердце, – банальный инфаркт, – правда, обширный. Я вообще удивляюсь, как у вас сердце до сих пор не отказало. Да вы ведь и сами часто думаете о себе как о долгожителе среди вашего брата, правда?

Что-то кольнуло в груди. Тоже мне, Нострадамус выискался!

Дело в том, что я почему-то сразу ему поверил. Сам не

понимаю, почему. Но было в его словах, его тоне, а особенно, в его глазах что-то такое, что исключало обман. Просто незачем ему было меня обманывать, он ведь, по его словам, изучал реакцию человека в экстремальных условиях. И я как раз идеально подходил на роль подопытного кролика. Странность была в другом. Он говорил о моей смерти как о чем-то, что уже практически свершилось и всем известно. Да, точно! – Как об общеизвестном и бесспорном факте. Это не передать словами, но на уровне ощущений очень чувствуется. Поэтому я даже не стал допытываться, откуда ему это известно. Ох, непростой мне человек попался!

На самом деле, как уже докладывал, я вовсе не боюсь смерти. Частенько даже зову её, особенно в часы тяжких похмельных мучений. Но одно дело думать об этом вообще, так сказать, чисто теоретически, и совсем другое – точно знать, что через несколько часов тебя не станет.

– Это точно? – спросил я севшим голосом.

– Абсолютно.

– А..., скажите, это будет очень больно?

– Не бойтесь, Егор Николаевич, вы умрете во сне так, как уже успели привыкнуть умирать.

– То есть?

– Ну, зарубит вас эта тварь опять. Только в этот раз по-настоящему. Будет больно – да, но недолго. Да не переживайте вы так, дело-то житейское – все умирают!

Меня словно мешком по голове ударили. Я ошарашенно

установился на него. О своих снах я вообще никому никогда не рассказывал! Или... все же рассказывал? Блин, эта лоскутная память уже давно ничего не гарантирует. Наверняка, сболтнул кому-то спьяну. Вот он обо мне и вызнал. Но зачем ему это?

Я потянулся к графину и вылил в стопку остатки водки. Чего там – смерть старого бомжа и правда, дело вполне себе житейское. Официантка принесла заказ и поставила передо мной тарелку с таким видом, будто ей пришлось нести заказ в общественный туалет. Но на реакцию людей на свой вид я давно внимания не обращаю. Я выпил и принялся за плов – механически отправляя в рот ложку за ложкой и не чувствуя вкуса.

Значит, сегодня ночью всё закончится. Я огляделся вокруг вдруг протрезвевшим взглядом, понимая, что вижу все это в последний раз. «Что ж, – совершенно спокойно и абсолютно трезво усмехнулся я про себя, – билет куплен, места распределены, поезд отправляется; пассажиров просят занять свои места, а провожающих покинуть вагон». А в моем случае, даже провожающих нет.

– На самом деле всё не так уж и плохо, – прозвучал тихий голос моего собеседника. Есть хороший шанс жить еще долго и, возможно, счастливо. Кто знает? – Пожал он плечами. – Всё будет зависеть от вас.

– Что? – очнулся я от своих мыслей.

– Я говорю, – Александр Валерьевич склонился ко мне, –

всё зависит от вас. Есть шанс. Нужно лишь захотеть воспользоваться им.

– Какой шанс?

– Шанс на новую жизнь.

– Объясните! – потребовал я, ощущая, что трезв как стеклышко, но, вот странно, не страдаю от этого. Ясность в голове, такое давно забытое ощущение, была приятна сама по себе, но я почти не обращал внимания на сию вопиющую странность. Не до того было.

– Ну, что же, давайте попробуем. Но сначала ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Есть что-то такое, о чем вы жалеете больше всего, что хотели бы изменить? Если бы, конечно, такая возможность представилась?

Я крепко задумался, отчего-то понимая, что это не праздный вопрос, а, наоборот, очень важный. Вопрос, от ответа на который зависит многое. Даже не так: ответ, от которого зависит всё. По крайней мере, для меня лично.

Итак, что бы я хотел поменять? Вернуть семью? Может быть, хотя уже не факт. Да ведь это и не выход. Если всё остальное останется, как было, конец будет тот же. К тому же, если совсем честно, бывшую жену я не люблю давно. Как мы говорили в детстве: прошла любовь, завяли помидоры, сандалии жмут и нам не по пути. Другое дело – дочь. Хотя и здесь всё сложно. Первые годы разлуки с ребенком были для меня настоящей пыткой. Скучал по ней страшно, мучительно. Порой выть по ночам хотелось. Она была как бы частью

меня, которую из меня калеными спицами вырвали без всякого наркоза.

Но шли годы и чувства слабели. Я на собственном опыте все больше убеждался, что время – лучшее лекарство от любви и разлуки. Память о прошлом постепенно вытесняется потоком новых событий, радостей, проблем и переживаний. И прошлое – нет, не уходит, но как бы тускнеет, выцветает. Дочь выросла и уже не было больше того смешного карапуза, которого я когда-то боготворил. Вместо нее был незнакомый мне человек, который вырос без меня. Умом я понимал и принимал, что это мой ребенок, признавал свою ответственность за нее и т.д. А вот чувства слабели, и всё чаще я ловил себя на том, что редко даже вспоминаю о ней. Слишком много лет прошло, слишком сильно мы оба изменились. И важно здесь именно то, что изменились именно мы оба: и я и она. Возможно, звучит не очень красиво, но такова суровая проза жизни. Да, к тому же, я уверен, что и она тоже не испытывает ко мне больших дочерних чувств, с чего бы вдруг?

Мысль о семье потянула за собой поток воспоминаний. Окончание ВУЗа, надежды, любовь, свадьба. Рождение дочери, радость в доме, счастливое лицо жены. Как ни странно, но любимая работа. Мне нравилось преподавать свой предмет этим оболтусам. Хотя техникум в СССР – это было достаточно почетно, двоечники и троечники туда попадали

редко. Тем была прямая дорога в ГПТУ⁴, которое все расшифровывали как «Господи, помоги тупому устроиться». А быть преподавателем в техникуме в то время – это вам не учитель средней школы! Это статус! Особенно в многочисленных маленьких городках, не имевших собственных ВУЗов.

А еще я писал диссертацию, и мой куратор хвалил меня! Могла бы вполне получиться карьера, кафедра в университете, например, если бы... и здесь я нахмурился. Точно! – Если бы не Перестройка и не развал СССР. Именно с этого всё началось. Именно это стало началом краха всей жизни подающего надежды молодого преподавателя математики. Я не смог подстроиться к новой жизни, не смог найти себя в ней. Всё остальное просто следствие. И, наверное, не смогу, если даже попробовать еще раз. Ну, не моя это жизнь, не к тому нас готовили в детстве, в детском садике, в школе, в институте. Я раньше думал, что хочу такой жизни. Я стремился к ней, ждал ее наступления. Радовался вместе со всеми свободе, демократии, капитализму. Потом оказалось, что я не смог всему этому соответствовать.

Нет, вы не подумайте, я вовсе не отношу себя к фанатам СССР. Упаси Бог! Мне было двадцать семь лет, когда страна развалилась и, в отличие от некоторых представителей современной молодежи, прославляющей советскую империю,

⁴ ГПТУ – Городское профессионально техническое училище в СССР, готовящее специалистов низшего звена.

никогда ее даже не видя, я ту жизнь помню очень хорошо: сплошной дефицит всего и вся. Крах СССР, в том виде, в каком он пришел к началу восьмидесятых годов двадцатого века, был, вероятно, неизбежен. Общие настроения того времени хорошо выразил Виктор Цой в одной из своих знаменитых песен: «Перемен, мы ждем перемен!». И мы действительно все ждали перемен. Мы все хотели, чтобы жизнь была как на Западе, хотя и видели эту жизнь только в кино. Но она казалось нам почти раем, мы все стремились к ней. Потому, собственно, СССР и распался – ни у кого не было желания сохранить его. Даже у тех, в чью обязанность эта охрана вменялось.

Проблема в том, что тех перемен, которые обрушились на головы простого народа, не ждал никто. И никто не был к ним готов. Вот, если бы это как-то..., смягчить, что ли..., как-то по-другому всё чтобы прошло – вот это было бы просто замечательно!

Что же, зато понятно, что я хотел бы изменить.

– Я вижу, вы определились, – донесся до меня голос моего знакомого незнакомца.

– Да, – твердо ответил я, – я хотел бы изменить историю своей страны.

– А конкретнее?

– Конкретнее так, чтобы не было в нашей стране «лихих девяностых».

– В смысле – сохранить СССР?

– Нет, нечего там уже было сохранять. Я хочу, чтобы Перестройка и переход к капитализму прошли в самом щадящем для народа режиме. Чтобы меньше было безработных, бездомных, нищих. Чтобы обнаглевшие чиновники и западные концессионеры не обворовывали государство, а если кто и становился богатым, то честно, а не на грабеже простых людей и не на распродаже народной собственности. Чтобы бандиты сидели по углам, боясь милиции, а не стали хозяевами жизни.

Александр Валерьевич заразительно захохотал и долго смеялся, утирая выступившие слезы белым в тонкую голубую клетку платком. Отсмеявшись, он коротко сказал «Извините!» и надолго задумался. Я в это время успел доесть плов.

– Да, не ожидал я в образе опустившего бомжа встретить такого идеалиста-утописта! Простите великодушно! Но, я смотрю, вы так и остались романтиком. Впрочем, странно было бы ждать от вас иного.

Мой собеседник надолго задумался, откинувшись на спинку стула и глядя куда-то вдаль.

– Что ж, это может получиться забавным, – наконец поднял он голову и посмотрел на меня. – Пожалуй, я даже представлю вам несколько дополнительных бонусов. Без них у вас точно ничего не выйдет, что совершенно понятно. Не может обычный человек в одиночку ничего изменить. Обладай он хоть какими знаниями – не может и всё! Будь он хоть су-

пер героем – все бесполезно. А с моими бонусами – чем черт не шутит! К тому же, это и правда может выйти очень забавным! – еще раз хохотнул он.

– О чём вы? Какие бонусы? Я ничего не понимаю.

– Это не страшно. Поймете в своё время. А сейчас ответьте мне четко и ясно: готовы ли вы вернуться на тридцать шесть лет назад, в 1984 год, и попробовать немного изменить мир в одной шестой его части?

И опять, без всяких вопросов для меня было отчего-то точно понятно, что это не шутка, не розыгрыш, не скрытая камера.

– Кто вы? – спросил я.

– А какая тебе разница? – неожиданно перешел на «ты» Александр Валерьевич. – Итак, ответ?

– Я готов.

Он еще раз внимательно посмотрел мне в глаза, кивнул какой-то своей мысли, и поманил меня пальцем. Я, как под гипнозом, наклонился к нему над столом, и он плотно прижал большой палец своей правой руки к моему лбу. Что-то щелкнуло в голове, и весь мир провалился во тьму.

* * *

Очнувшись, я с удивлением открыл глаза. Сажу в той же кафешке, за тем же столом, но уже один. Огляделся, и нигде не увидел странного человека, назвавшегося Александром Валерьевичем. Человека? Хм. Это тоже вопрос, кстати.

Передо мной на столе стояла бутылка водки, кружка чер-

ного живого крафтового пива, тарелка креветок и полная миска с пловом. А рядом, придавленная фужером, лежала купюра, номиналом в пять тысяч рублей.

Я опять оглянулся. Официантки нигде не было видно. Я одним длинным глотком выпил пиво, потом достал из кармана потертый, но еще крепкий пакет с надежными ручками и быстро переложил в него все со стола. Еще раз, воровато оглянувшись, я схватил купюру и бочком, бочком рванул за угол, где и припустил в полную силу. Перебежал улицу, нырнул в подворотню и, пробежав еще метров двести, перешел на спокойный шаг. Погони не было.

Я улыбнулся, сегодня у нас с Лёлей будет шикарный ужин! Разговор с тем мужиком полностью выветрился из головы. Кажется, он там плакался о том, что его жена бросила. Ну, что ж, у всех свои проблемы. Зато я сегодня буду сыт, пьян и, как говорится, нос в табаке!

* * *

Лёля проснулась утром, села на сваленном грязном тряпье, заменявшем им постель, и зажгла свечу. После этого повернулась и спокойным долгим взглядом посмотрела на лежащего рядом Гошу Кубу. Без всяких сомнений, он был мертв. Она кивнула головой и вдруг улыбнулась.

Если бы кто-то мог видеть это со стороны, то он, пожалуй, на всю жизнь запомнил всё, произошедшее дальше. Фигура бомжихи Лёли стала постепенно таять и терять очертания. Потом вдруг, на секунду, вместо Лёли возник какой-то му-

жик, в котором Гоша Куба, будь он жив и в сознании, несомненно, узнал бы Александра Валерьевича. Но зрителей не было. Образ моргнул, вместо него появилась красивая молодая девушка, отдаленно похожая на Лелю, и вдруг растаяла в воздухе, как и не бывало.

Лишь огрызок свечи какое-то время освещал пустой подвал и сваленную в углу кучу тряпья. Потом вдруг всё как-то сразу и одновременно вспыхнуло и загорелось. Подвал заполнился дымом...

Где-то, через час, приехавшие по вызову пожарные нашли в подвале обгоревший до полной неузнаваемости труп мужчины. Один мужской труп.

Глава II

Июнь 1984 года.

Я вновь пробираюсь по сумрачному осеннему лесу. Одежда промокла насквозь и прилипла к телу. Вода течет по лицу с облепивших голову волос. Мне по-прежнему страшно, но ужас больше не сковывает моих движений. Я внимателен и осторожен. Я ищу эту тварь. Теперь я охотник. В руках у меня мой старый АК-74, с которым я прошел весь Афган. Ну, где же ты, тварь? Давай, посмотрим, как ты будешь чувствовать себя под стволом автомата, скорострельность которого шестьсот выстрелов в минуту? Это покруче топора будет, как ты думаешь?

Конечно, такими мыслями, я больше сам себя успокаиваю и настраиваю. Поскольку, если я не убью тварь, то она убьет меня. Так что, пора с этим покончить. Точно так же, как пора покончить с прошлой жизнью. Пришло время, настал час, теперь всё будет иначе. А с неба все моросит и моросит эта слякоть, но холода я не чувствую. Наоборот, жар во всем теле. Хочется пить. Я поднимаю голову, открываю рот и пытаюсь поймать падающие с неба и с деревьев капли.

Движение справа. Я резко разворачиваюсь и приседаю, выставив автомат вперед. Никого. Боковым зрением замечаю движение слева и сзади. Резко падаю вниз с разворотом — лицом вверх. Господи, как же гнусно выглядит эта мразь, во-

истину, порождение кошмара! И быстрая, как... не знаю, с кем сравнить, но нечеловечески быстрая. Будто в замедленной съемке я наблюдаю за тем, как топор летит мне прямо в грудь и я, еще даже не коснувшись спиной земли, начинаю стрелять. Вижу, как пули впиваются в тело и в морду твари, она ревет, но лезвие топора уже входит в мою грудь. Проваливаясь в темноту, успеваю заметить, что падает и тварь. И в этот момент раздается сухой щелчок – магазин пуст. Убил я ее или нет? И не проверить ведь! Ударяюсь спиной о землю, боль и...

* * *

И я просыпаюсь. Первое, что ощущаю, даже не успев открыть глаза, это солнечный свет, пробивающийся сквозь веки. Я вырубился где-то на улице? Такое вполне возможно и не раз бывало. Благо сейчас лето и ночи теплые.

Открываю глаза. Большая комната, залитая светом, льющимся через огромное открытое окно. Десяток кроватей, на которых спят люди. Я лежу на той, что у окна. Приподнимаюсь и осматриваю всё вокруг. Подо мной белая простыня! Нет, не белоснежная, просто белая и к тому же, сильно застиранная. Но это кровать, я на ней лежу, а под головой подушка! И простыня сверху накрывает тело. Судя по всему, раннее утро, поскольку люди на других кроватях еще спят. Что-то мне это напоминает, что-то глубоко внутри подсказывает, что все это я уже где-то когда-то видел. Пытаюсь поймать воспоминание, но мысль ускользает.

Присмотревшись, обнаружил с краю простыни, которой укрываюсь, какое-то пятно. Я подтянул его ближе к глазам, точно – штамп. Читаю выцветшие буквы: «340-й общевоинской госпиталь ВС СССР». Что?!

И тут как прорвало, воспоминания нахлынули волной, посыпались лавиной. Я вспомнил, где я это видел. И когда. 1984 год, Ташкент, общевоинской госпиталь – точно, триста сороковой! Я туда попал после ранения тогда, перед самым дембелем.

Я откинул простыню и уставился на свежий красный шрам на груди. Последний раз я видел его старым, белым, расплывшимся. Потом перевел взгляд ниже, на синие «семейные» трусы, каких я не носил с армии. А тело... оно... совсем не похоже на тело престарелого бомжа. Скорее, это тело молодого парня.

И тут в памяти всплывает улыбка моего вчерашнего незнакомца, как его? – Александра Валерьевича, точно! В ушах звучит его голос: «Ответьте мне четко и ясно: готовы ли вы вернуться на тридцать шесть лет назад, в 1984 год, и попробовать изменить мир в одной шестой его части?». И мой собственный ответ: «Я готов». Он еще коснулся пальцем моего лба после этого, и я на какое-то время вырубился и не видел, как он ушел. Но как я мог это забыть? И... это что, не шутка была, не пьяный разговор? Я откинулся на подушку, зажмурился изо всех сил, полежал так какое-то время и вновь открыл глаза. Вокруг ничего не изменилось. Щипать

я себя не стал, какой в этом смысл? Я и так понимал, что все реально, потому что запахи здесь совсем другие, не те, что в нашем подвале. Так, необходимо срочно проверить.

Я откинул простыню и сел на кровати. Еще раз оглядел это молодое тело в синих трусах и завертел головой по сторонам. Ага, вот. Рядом с кроватью стул, на спинке которого висит некогда, видимо, коричневый с синим воротником халат, который из-за многочисленных стирок давно потерял свой цвет. То, что надо! Под ногами стоптанные шлепанцы из кожзама, с какими-то цифрами на носках, написанными белой краской. Инвентарный номер?

Я сунул ноги в негнущиеся шлепанцы, накинул сверху халат и двинулся к выходу из палаты. Почти у самых дверей находилась раковина с краном, а над ней ... зеркало! Да, это то, что мне нужно.

Подойдя к раковине, я долго стоял, не смея поднять глаза, понимая, что встреча со своим отражением изменит всё. Наконец, решился, поднял голову и взгляделся в такие забытые, но такие родные черты. Несомненно, это я. Как, несомненно, и то, что мне сейчас не пятьдесят шесть, а двадцать лет. И я в Ташкенте, в военном госпитале, а сейчас 1984 год. Следовательно, я в своей стране, поскольку Узбекистан еще почти семь лет будет частью СССР.

Я на автомате вышел в коридор, прошел до туалета, облегчил мочевой пузырь, вернулся в палату и, завалившись на кровать, закрыл глаза. Мне было о чем подумать, пока еще

ГОСПИТАЛЬ СПИТ.

* * *

Итак, первое. Мужик не соврал. Кто же он такой, что одним прикосновением отправил меня в прошлое? Ангел, дьявол, маг какой-нибудь или сумасшедший учёный? Ладно, это оставим на потом, слишком мало информации. По сути, её совсем нет. Я ничего не знаю о нём. Что дальше?

Второе. Я в прошлом, в своем молодом теле. Это факт — не сон, не глюк, хотя... есть вариант, что я настоящий лежу сейчас в коме. Видел такое в каком-то фильме. Этот вариант не стоит сразу отбрасывать. Подсознание порой творит с нами удивительные вещи. Но пока тоже не проверишь. Однако если я в коме, это обязательно как—то должно проявиться. Или нет? Эту теорию тоже оставим, но помним о ней на всякий случай. Хотя вряд ли, если задуматься: кто будет держать на дорогой аппаратуре в коме какого-то бомжа?

Третье. Всё реально и мое сознание перенеслось в прошлое, в мое собственное тело. Возьмем эту версию за основу. Пока. А там будет видно. И что мне с этим делать? Ведь я не просто вернулся, я вернулся, обладая знанием будущего! Опять же, если это не какой-нибудь параллельный мир. Помню, тоже что-то читал об этом, статьи по квантовой физике читаются порой интереснее любой фантастики!

Допустим, это наш мир, что мне дает знание будущего? Хм. Ну, например, можно попробовать как-то лучше устроиться в жизни, заранее подготовиться к грядущим перемене-

нам. Стоп, погоди! Я же должен попробовать..., а что я должен попробовать? – Да ничего особенного, просто изменить будущее своей страны к лучшему. Делов-то!

И как вы это представляет себе в реале? Что может сделать двадцатилетний мальчишка, будь он хоть суперменом? Я даже не историк, я вообще не знаю, что сейчас происходит в верхах и кто чем рулит. А если бы и представлял? Ну, подумайте сами, что можно сделать? Придумаете, напишите мне. Сам же я сам пока не имею ни малейшего понятия.

Зачесался шрам, и рука привычно потянулась к груди. Я посмотрел на него, и мне показалось, что он стал бледнее, чем когда я увидел его впервые полчаса назад. Перед глазами привычно всплыл Афган, колонна, пылящая по горной дороге. Я сижу на БТРе, ухватившись рукой за поручень. Рядом парни из нашего отделения. Нижняя часть лица у меня завязана тряпкой, чтобы не глотать пыль. А сам я в своих мечтах уже дома, где меня все встречают как героя! Друзья восхищаются, Танюха целует, мама плачет от счастья... И вдруг, сквозь грохот ревущего мотора слух привычно выделяет хлесткие автоматные очереди сверху. Рывком поднимаю голову, одновременно хватаясь за автомат, и в этот момент меня ударяет в грудь словно кувалдой. И всё проваливается во тьму.

Потом я уже узнал, что бой был скоротечным. Духи обстреляли колонну и свалили, не став ввязывать в перестрелку. Наши вызвали вертушки, и меня с несколькими другими

ранеными отправили в госпиталь, в Кабул. Где мне сделали операцию и переправили в Ташкент. Всё это я помню как в тумане, урывками. Ранение было сложное, пуля прошла рядом с сердцем и я, наверное, был под препаратами. Врачи потом говорили, что мне сказочно повезло, каких-то пару миллиметров в сторону и операция мне больше никогда бы не понадобилась.

Ладно, всё это рок-н-ролл. Что делать дальше? Как ни крути, а я здесь совсем не для того, чтобы повторить уже однажды прожитую жизнь. Меня передернуло – нет, ни в коем случае! Лучше сразу повеситься. Но и изменить мир, пусть даже только в одной шестой его части, – это для меня задача явно невыполнимая. Давайте признаем это сразу. Как я вообще могу это перевернуть? Обратиться к генеральному секретарю ЦК КПСС, фактическому главе государства? И кто, спрашивается, меня к нему пустит? Да и за такое, пожалуй, в психушке сгноят, даже если допустить, что я смогу к нему попасть и что-то рассказать.

Кто у нас, кстати, сейчас генсек? Если не ошибаюсь, то на дворе должно быть начало июня 1984 года, а это значит..., это значит, что у руля партии и государства сейчас полуживой Константин Устинович Черненко и до его смерти осталось меньше года. Разговаривать с ним нереально, он тяжело болен, и ему, похоже, вообще ни до чего. А в Кремле, сто процентов, всю развернулась подковерная борьба, которая меньше чем через год приведет к власти Михаила Горбачёва.

А дальше – инициированная им Перестройка, вывод войск из Афганистана и из Восточной Европы, а в 1991-м полный развал СССР. А потом «лихие девяностые», будь они прокляты!

Где сейчас Горбачёв, какой пост занимает, я вообще не имею ни малейшего понятия. Никогда особо не интересовался политикой, а уж в те времена для молодого пацана это вообще был темный лес.

Так что же делать? Ехать домой и продолжать учебу в институте, как в прошлый раз? А смысл, я ведь прекрасно помню, чем это закончилось, да и по второму разу проходить всю эту канитель совсем не тянет. Нет, так-то студенческие годы были веселыми, но ведь придется опять писать и сдавать всё, что я уже писал и сдавал когда-то – ещё целых четыре года! Компьютеров нет, смартфонов нет, об интернете в СССР пока и не слышали. Да и на Западе он в зачаточном состоянии. Значит, всё вручную – поиски в библиотеках, переписывание в тетрадь и все остальные «прелести» образования докомпьютерной эры – тихий ужас! И как мы тогда учлись? Хотя, когда не знаешь альтернативы, сравнивать не с чем.

Нет, лучше уж потом купить диплом, нежели по второму разу все это проходить. Если только он мне вообще понадобится...

Конечно, можно дождаться Перестройки, разрешения кооперативов и открыть своё дело. Говорят, в первые годы даже налогов не было и люди на одной жвачке с кока-колой де-

дали миллионные состояния. Но я-то себя знаю – я не торгаш, не бизнесмен. Нет у меня этой жилки. А значит, я точно прогорю. Ну, или бандиты, власть которых тоже уже на подходе, закопают где-нибудь. Думай, Гоша, думай! Времени осталось не так много. Хотя и не горит ещё, конечно.

Так, давай еще раз, чисто теоретически. Как я могу изменить мир в одной шестой его части? Не допустить развала СССР? Это задача сверхсложная, но, допустим. И что дальше? Я ведь прекрасно помню это время. Это потом, в будущем, наслушавшаяся сказок молодежь, да прошедшее все круги ада в девяностые население старшего возраста будут превозносить СССР, и ностальгировать по прошлому. А сейчас, в середине восьмидесятых, всем на это глубоко наплевать. Все мечтают о колбасе двадцати сортов в магазинах, да слушают по ночам «Голос Америки» и «Немецкую волну», превозносящие западную жизнь. И все хотят жить так же. А потому и Перестройку встретят на ура, потому и будут радоваться развалу СССР, поскольку каждый будет мечтать о том, что заживет теперь весело и богато. Да ведь я и сам был таким, что тут говорить! И все вокруг меня. Хотя и не очень верилось до последнего момента. СССР представлялся всем нам несокрушимым монолитом. Но надеялись, мечтали, пусть даже как об утопии! Да уж, а развалился Союз как прогнившее здание, каковым, по сути, он и являлся к концу восьмидесятых. И что бы потом ни говорили, как бы ни приукрашивали советское время, оно было таким, каким

было. Если, конечно, быть честным. Это вовсе не значит, что всё было плохо, но система разваливалась на глазах, как ни крути. И это понимали все.

Я прикидывал так и этак, но все время получалось так, что хоть что-то изменить в существующем порядке вещей совершенно нереально для меня одного. Да здесь даже Сталина нет, к которому все литературные попаданцы сразу направляются и тот их непременно слушается! М-да, смех смехом, но здесь, скорее всего, целый клубок змей в Политбюро, со своими интересами и амбициями. Причем, клубок старых змей, давно съевших все зубы на партийной борьбе.

Эх, а как я все-таки мыслю, а! Любо дорого наблюдать за тем, как перерабатывает информацию молодой, не пропитый и не прокуренный еще мозг. Точно, ведь в армии и долго еще после армии я не курил! Теперь точно знаю, что не стоит даже и пробовать. А уж от спиртного вообще надо держаться как можно дальше, слишком свежа в памяти жизнь спившегося и полностью опустившегося бомжа. Можно сказать: постоянно перед глазами стоит. Б-р-р-р!

Ладно, по любому сначала надо возвращаться домой, родители ждут. А там будет видно. И я задремал.

* * *

Сижу на лавочке у железнодорожного вокзала «Ташкент пассажирский». Настоящий кожаный дипломат лежит на коленях. Страшный дефицит, между прочим, здесь и сейчас. Купил в Кабуле, на рынке. Предмет зависти дома. Я улыб-

нулся. Вот, кстати, тоже: обычный небольшой чемоданчик, что за проблема была завалить такими чемоданчиками весь Союз, при наличии бешеного спроса? Но ведь не купишь нигде, только у спекулянтов! Из этого всё и складывалось: то дефицит, это дефицит..., как я могу это изменить? – Да никак не могу. Не по Сеньке шапка – вспомнились вдруг слова одной вздорной знакомой из будущего, презрительно обращенные ко мне.

Поздний вечер, практически ночь уже. Теплая узбекская ночь, когда дневная жара схлынула, и наступило самое комфортное в плане температуры для жителя средней полосы России время. До московского поезда еще два часа, а потом двое с половиной суток трястись на верхней полке плацкартного вагона до Москвы. И от Москвы еще часа три – четыре. Но Москва – это уже почти дома, там всё своё, учитывая, что мне там частенько приходилось проводить летние каникулы у бабушки – матери отца (Царство ей Небесное!). Приколливо, многих детей из Москвы отправляли к бабушке в деревню, а меня из провинциального райцентра, для москвичей – деревни, отправляли в столицу! А всё потому, что мой отец и все предки по отцовской линии – москвичи. В отличие от многих современных москвичей, чьи родители родом из деревни.

Я улыбнулся и еще раз осмотрел себя. На мне моя ушитая красавица-парадка, над приведением которой в подобие произведения солдатского искусства я трудился долгими ве-

черами. Молодцы парни, прислали! Хотя сейчас, с высоты моего возраста мне ужасно смешны все эти ушивки, перешивки, кантики и прочие немудреные мальчишеские украшения. Однако, надо соответствовать.

На погонах по две «сопли» – младший сержант. Все-таки дали звание перед дембелем, а то с одной ефрейторской лычкой ехать домой было бы стремно. У нас шутили, что лучше дочь проститутка, чем сын ефрейтор. Это потому что, если младшего сержанта давали обычно после окончания учебки, то ефрейтора можно было заслужить, частенько, только хорошо подлизывая задницу начальству.

Но ведь не откажешься же, правда? Тем более, мне тогда дали ефрейтора вместе с медалью «За боевые заслуги». В том бою немало наших ребят полегло, а мне, вот, повезло. Поэтому свои парни меня не подкалывали, но ведь каждому не объяснишь и рот не заткнешь.

А вот «младшего» дали уж в госпитале. Сам генерал-лейтенант Леонид Евстафьевич Генералов⁵, командующий 40-й армией, приехал собственной персоной! И вместе с погонями, вручил он мне солдатскую мечту – медаль «За отвагу», нагрудный знак «Воину-интернационалисту СССР», афганскую памятную медаль и золотистую нашивку за тяжелое ранение.

Кстати, хотя ранение и тяжелое, с повреждением внутрен-

⁵ Генерал-лейтенант Генералов Леонид Евстафьевич командовал 40-й общевойсковой армией с 4 ноября 1983 г. по 19 апреля 1985 г.

них тканей, но срослось все на удивление хорошо, жизненно важные органы не пострадали. Поэтому комиссия признала меня ограниченно годным к воинской службе, и поехал я домой не комиссованным, а настоящим дембелем. Пока лежал в госпиталях, вышел приказ о демобилизации нашего призыва и большинство моих сослуживцев уже разъехались.

И это первое расхождение с прошлой реальностью. Небольшое, но все же. Тогда у меня как-то не очень хорошо всё срасталось, а сейчас зажило как на собаке, врачи только удивленно руками разводили. И тогда меня комиссовали по ранению, подчистую.

Интересно, с чем это связано? Просто разовый подарок от Александра Валерьевича или у меня теперь всегда всё так заживать будет? Ладно, разберемся и с этим.

Больше всего я, конечно, гордился медалью «За отвагу», то и дело косил глаза на грудь, фиксируя каждый заинтересованный взгляд прохожих. «За боевые заслуги» тоже, конечно, неплохо, но медаль «За отвагу» – это же легенда, что-то типа дореволюционного георгиевского креста. И в той реальности у меня ее не было, а это уже второе различие! Тогда мне дали только афганскую медальку с надписью «От благодарного афганского народа», которую давали фактически всем. Что ж, будет, чем похвастаться перед друзьями и, конечно, девчонками. Три медали все же лучше смотрятся, чем две. К тому же одна из них – «За отвагу»! Да ещё плюс знак

воина-интернационалиста⁶, да нашивка за ранение – вот вам и герой, держитесь, красавицы!

Я замечтался, представив, как я сижу в нашем городском парке на такой же скамейке – в захваченном с собой летнем комплекте «афганки» и с медалями на груди, а вокруг ходят нарядные девушки, бросая на меня заинтересованные взгляды. И так меня эта картина захватила, что я даже ощутил на лице прохладный ночной ветерок с лёгким запахом ила, дующий с озера, что возле парка, и увидел старые тополя, растущие вдоль аллеи, а сейчас скрывающиеся в июньских ночных сумерках.

И вдруг я понял: что-то и правда не так. Что-то вокруг изменилось. Исчез шум вокзала, исчез свет привокзальной площади, а вокруг тишина, силуэты старых тополей в полумраке и ветерок доносит с детства знакомые запахи с озера.

Я ошалело вскочил и огляделся. Ночь, но уже потихоньку пробивается первая предрассветная белесая дымка. Людей не видно. Вот, слева виднеются силуэты качелей «лодочки», рядом, с одной стороны – одноэтажное здание с кассами, с другой – колесо обозрения. А прямо – сетчатая ограда танцплощадки. Все знакомое с детства, родное до боли в груди. На этой танцплощадке я когда-то танцевал со своей первой любовью, бережно положив ей одну руку на плечо,

⁶ Хотя почетный знак воину-интернационалисту установленного образца был учрежден лишь в 1988 году, ещё до выпуска официальной награды появились несколько неофициальных знаков, за участие в выполнении интернационального долга, но награждение ими носило разрозненный характер.

а другую – на талию, затаив дыхание от восторга. А тут же, рядом с площадкой, дрался с парнями из другого района, по каким-то совершенно пустяковым, но очень важным тогда поводам.

Я рванул вдоль по аллее, и через минуту передо мной пахнулась водная гладь древнего, говорят, еще ледникового периода образования, озера. Застыв, как вкопанный, я еще раз внимательно осмотрелся вокруг. На другой стороне озера виднелись огоньки поселка. Я дома. Охренеть – по-другому и не скажешь!

Постояв в полном сумбуре чувств еще какое-то время, я медленно вернулся на лавку, к ожидавшемуся меня «дипломату», и тихо сел. Ощупал руками лавку. Знакомые деревянные рейки с облупившейся краской. И вновь передо мной всплыл образ загадочного Александра Валерьевича и его слова: «Пожалуй, я даже предоставляю вам несколько дополнительных бонусов. Без них у вас точно ничего не выйдет. А с ними – чем черт не шутит!».

Вот вам и бонус, как было обещано. Если считать вместе со способностью быстро заживлять раны (если она у меня и правда есть), то уже второй. Телепортация. Ничего себе! Это же полная фантастика! А ну-ка! Я сосредоточился и представил себе привокзальный сквер в Ташкенте и лавочку, на которой я сидел. И тут же после темного парка в глаза ударил свет фонарей с привокзальной площади, и навалилась теплота ташкентской ночи. Все же здесь заметно теплее, хо-

тя и там у нас тоже июнь. С противоположной скамейки на меня ошарашенно смотрела женщина из местных, пожилая узбечка с кучей каких-то узлов рядом.

– Здрасьте! – крикнул я ей весело, и засмеялся.

– Шайтан! – взвизгнула она и, забыв про свои баулы, побежала по аллее, продолжая верещать.

– Э, нет, – тихо сказал я сам себе, – так она и милицию сейчас приведет. Будут тут с «шайтаном» разбираться. Ничем мне не грозит, конечно, но к чему пустые хлопоты?

И я вновь представил городской парк на берегу древнего озера. Переход произошел мгновенно и совершенно незаметно. Вот сейчас я там, и вот уже здесь. Есть о чем подумать: внезапное появление человека из ничего способно вызвать панику, а паника – слухи, а слухи – интерес соответствующих органов. Это через несколько лет, когда каждый день на улицах будут кого-то взрывать или расстреливать, у них не будет времени на проверку слухов и всяких странных явлений – жертв нет и ладно! А пока ещё они бдят.

Надо будет с этой способностью хорошенько попрактиковаться, возможно, там есть какие-то настройки или режимы, как-то можно всё регулировать? Если нет, придется иначе приспособливаться. Ничего, разберусь, теперь у меня время есть.

* * *

Сейчас нужно решить, идти домой или дожидаться утра, чтобы не будить родителей среди ночи. До дома, максимум,

полчаса пешком. В нашем маленьком, но очень старинном городке, вообще всё близко. Население – тысяч тридцать человек с хвостиком, совсем маленький городишко. Конечно, глубокая провинция. До Москвы двести километров.

Хм. А что, если рвануть к Танюхе? Я крепко задумался, поскольку подумать и правда, было над чем.

Оно, конечно, было бы классно завалиться к ней прямо сейчас! Уверен, она была бы рада. Объятия, поцелуи и все прочее, за ними следующее, наверняка обеспечено. Мы с ней все два года переписывались. Последнее письмо получил в госпитале: любит, ждет. А до армии больше года встречались.

Вот только есть одна проблема. Я и в прошлом варианте своей жизни догадывался, конечно, но предпочитал верить в лучшее. Как там, у Александра Сергеевича? – «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!»⁷ Но сейчас-то я точно знаю, что она постоянно мне изменяет, изменяла, и будет изменять в будущем. Из-за чего, в конце концов, у нас с ней ничего и не сложится.

Нет, так-то всем она хороша, но ждать от неё верности – это обманывать самого себя. Да и дело сейчас вообще не в этом. То, что она мне изменяет, меня в данном случае совершенно не смущает и никак не меняет моё к ней доброе отношение. В конце концов, я знаю, что моей женой она не будет никогда. Но она мне нравится и мне с ней хорошо. А сейчас,

⁷ А. С. Пушкин. Признание («Я вас люблю, – хоть я бешусь...»).

пока я еще не женат и даже не собираюсь, это главное.

Дело здесь вот в чём. Поскольку она не знает, что я сейчас в городе, и в ближайшие два-три дня не ждет моего приезда, то, велика вероятность нарваться на постороннего мужика в её постели. А этого мне бы совсем не хотелось, ну, совершенно! Может, конечно, всё не так, и она спокойно спит одна, а во сне видит меня, любимого, но... Таких девушек, как она, во избежание всяких эксцессов, о своём приходе следует предупреждать заранее. Это закон, нарушать который не следует никогда. А потому – потерпим, решил я.

Итак, остается самый верный вариант – иду домой, к маме с папой. Уж от них никаких сюрпризов точно не будет.

Глава III

Гуляю по Москве. Если точнее – иду вдоль Чистых прудов. Самое начало июля, но это уже почти середина лета. И у меня есть план на ближайшее время жизни. Но обо всём по порядку.

Родители встретили так, как и полагается родителям: слёзы матери, крепкие объятия отца, суматоха, стремление мамы срочно меня накормить. В общем, всё, как я и ожидал, как это случалось до нас в миллионах семей, как будет продолжаться и после нас. Стандартный, но близкий сердцу сюжет, пусть уже и разыгранный второй раз на моей памяти. От этого он не стал менее радостным и волнительным.

Я бы даже сказал, что он был еще волнительнее, нежели в прошлый раз. Ведь мои родители, которых я уже похоронил в прошлой жизни, вновь предстали передо мной, еще совсем не старые и вполне крепкие. Маме сорок восемь лет, отцу – сорок семь. Странное ощущение, я вам скажу: пятидесятишестилетнему сыну встретить своих родителей, которые младше его по возрасту. Да, выглядел и ощущал я себя на двадцать, но вот мозги... , мозги оставались мозгами мужика на шестом десятке. Не знаю, как мне дальше с этим жить. Посмотрим, может, как раз и нормально будет.

Я смотрел на моих родителей и улыбался счастливой улыбкой. Вы не можете даже представить себе, какое это сча-

стве. Помню, после их смерти я часто жалел, что так мало с ними общался, став взрослым. Мало говорил, что люблю их, что благодарен им за всё. Постараюсь в этой жизни исправить ошибки жизни прошлой.

Проговорив с родителями до утра, сытый и чистый после ванной, я, наконец, завалился спать и проспал до обеда. А проснувшись, прошел в трусах на лоджию, выход на которую был как раз из моей комнаты, и с высоты девятого этажа девятиэтажного дома долго смотрел на мой родной город, в котором я, с учетом прошлой жизни, не был уже очень много лет. Вид открывался отличный, весь городок, как это обычно и бывает здесь летом, утопал в зелени.

Конечно, взгляд привычно подмечал и старый, потрескавшийся, с колдобинами асфальт и облупившуюся штукатурку домов, и множество частных деревянных домишек на нашей улице, которые потом почти все снесут. И глядя на это, я всё больше проникался осознанием того, что я действительно вернулся назад, в СССР образца 1984 года.

* * *

Пообедав, я решил прогуляться и заодно зайти в военкомат, встать на учет. Достал «афганку», мама её тут же погладила, я бережно прицепил к ней медали, знак воина-интернационалиста и золотую нашивку за ранение. От парадки отпарывать не стал, у меня в военторге была запасная на этот случай куплена. Сунул военный билет с остальными документами в нагрудный карман, натянул кепи с зелёной, за-

щитного цвета, звездочкой и отправился на людей посмотреть и себя показать.

Я шел, а люди на меня оборачивались. Всё же форма моя сильно отличалась от той, к которой у нас, в Союзе, привыкли. Прошедший по дороге взвод солдат во главе с младшим сержантом, из расположенной поблизости саперной части, вообще пялился на меня с откровенной завистью: дембель, явно из Афгана, в классной форме, да еще с боевыми медалями на груди и нашивкой за ранение!

Откровенно говоря, первый же патруль мог до меня докопаться. Форма на мне была не по уставу, в Союзе дембель должен ходить исключительно в уставной парадной форме. Но я надеялся, что к раненому герою не станут сильно придирааться. В любом случае, сделать они мне ничего не могут, ибо я уже уволен из рядов вооруженных сил. Хотя, конечно, нервы потрепать еще в состоянии.

Военкомат располагался на соседней улице Коммунаров и шёл я до него ровно пять минут, если судить по трофейным часам «Сейко». Дешевая печатка, конечно, но на Родине сейчас и это предмет зависти. Хотя имеются уже отличные отечественные электронные часы «Электроника» с несколькими режимами. Но это же фирма! А всё заграничное в России при всех режимах всегда в моде. Пожалуй, кроме ядерных ракет и автомата Калашникова.

В военкомате я представился дежурному и тот направил меня на второй этаж, в кабинет, где ставили на учёт дембе-

лей. Я глядел вокруг со странным чувством. Последний раз я был в этом здании два года и тридцать шесть лет назад, а лет через десять вперед я видел его разрушенным и почти разобранным. Но сейчас здесь был военный порядок и уютная прохлада после уличной жары.

Я постучал в нужный кабинет и приоткрыл дверь:

– Разрешите войти?

– Входите, – на меня смотрел майор в годах, явно приближающихся к военной пенсии, даче и рыбалке.

– Младший сержант Соколов прибыл для постановки на воинский учёт после прохождения срочной службы.

– Проходи, сержант, присаживайся, – майор кивнул на стул с другой стороны его стола. Его взгляд ухватил сразу всё: и мою неуставную форму, и медали на груди, но он не сказал ни слова.

Я сел и протянул свои документы. Он принял их, внимательно просмотрел, останавливая профессиональный взгляд на нужных отметках. После чего поднял голову и внимательно посмотрел на меня, еще раз задержав взгляд на медалях и нашивке за тяжелое ранение.

– Ну, как там? – наконец, спросил он.

Я пожал плечами:

– На войне, как на войне.

– Понятно, – он помолчал. – Как получил ранение?

– Духи устроили засаду на колонну, которую мы сопровождали. Первая пуля, похоже, была моя. Хирург ска-

зал, еще бы пару миллиметров и прямо в сердце. Обидно, несколько дней до дембеля оставалось. Но сейчас всё хорошо, даже не комиссовали.

– Да, я вижу. Спасибо тебе сержант, что вернулся. Знаешь, сколько я уже ваших схоронил? Так что, спасибо, что не пришлось нести черную весть и твоим родителям.

Я замялся, не зная, что ответить. Хороший мужик, этот майор, не очерствел сердцем на бумажной работе.

– Ладно, за военным билетом зайдешь послезавтра. А сейчас загляни в соседний кабинет.

– Разрешите идти?

– Иди, Соколов, иди.

В соседнем кабинете я обнаружил милицейского капитана, как выяснилось, замполита нашего РОВД. Тот сразу предложил мне поступить в милицию, пообещал хорошие перспективы, льготы, третью – сержантскую – лычку на погоны. Я ответил, что мне надо подумать и на том мы с ним распрощались.

Но из военкомата я вышел крепко задумавшись. А что, не устроиться ли мне и правда, в милицию? Для достижения моей цели может очень пригодиться. Во-первых – удостоверение, а это определенная власть и пропуск в разные места, куда не всякого пустят. Во-вторых, доступ к оружию, с чем в СССР очень проблематично. Ну и, возможно, доступ к каким-то сведениям, о которых простые граждане СССР не знают. Зачем мне это надо? Интересный вопрос. Я пока

не знаю, зачем. Но есть предчувствие, что зачем-то надо.

Впрочем, если уж и поступать в милицию, то, конечно, не здесь. Надо ехать в Москву, туда, где находится центр управления всей советской империей. И это вариант, который стоит серьезно обдумать.

А сейчас, вне всяких сомнений, стоит заглянуть к Татьяне, она должна быть на работе, здесь неподалеку, в двух шагах от военкомата.

Подходя к ее конторе, я, конечно, волновался. Ребята, мне же двадцать, и я ощущаю это каждой клеточкой своего тела! Мои гормоны устроили какой-то возмутительный и одновременно удивительный шабаш в преддверие ожидаемой встречи. Такое забытое и такое приятное ощущение! Что еще более приятно, в этой истории, имея опыт и знания пятидесятишестилетнего человека, я спокойно могу эти свои гормоны контролировать. А это далеко не всегда удавалось мне в прошлой молодости, что приводило порой к пикантным ситуациям.

А вообще это совершенно непередаваемое соседство – молодое тело с опытом и знаниями взрослого человека. Кажется, это как раз тот случай, когда можно удачно осуществить народную мечту: если бы молодость знала, если бы старость могла! Я теперь многое знаю, чего не знал в молодости, имею большой жизненный опыт и пока еще в физическом плане на многое способен. Ну, посмотрим, что мне это даст практически.

Сама встреча прошла хорошо. Мягко говоря. Правильнее сказать – бурно, превыше всяких ожиданий, если бы, конечно, я не помнил прошлое, ставшее будущим, а потому именно этого и ожидал. Что немного смазало эффект, все же в незнании и неопытности молодости есть свои плюсы. Например, прекрасное ощущение новизны. Сейчас такого уже не было. Впрочем, полученного удовольствия это мне не испортило.

Домой я вернулся лишь под утро, но родители были предупреждены, поэтому особо не волновались. Это был 1984-й год, и причин для серьезных волнений тогда было слишком мало. Все волнения моего народа у него еще впереди. Но он этого пока не знает, наивно считая серьезными свои сегодняшние проблемы – такие несерьезные, в сравнении с предстоящими.

Мне было очень жалко этих людей, ничего еще не подозревающих, живущих обычной мирной жизнью. Они как дети, будут радоваться Перестройке, пока её последствия не придут в их дома. Как и я в своем прошлом радовался.

Кто-то из них станет хищником, но большинство – жертвой. Кто-то станет богатым, хозяином жизни. Кого-то выгонят из их домов, изнасилуют, избыют, продадут в рабство, убьют. Десятки, и сотни тысяч людей погибнут на полях межнациональных конфликтов и террористических войн. Тысячи закончат свои жизни в бандитских разборках. Миллионы лишатся средств к нормальному существованию.

Вновь появятся бездомные и беспризорники. Утренняя картинка роющихся на помойках людей станет привычной.

Нет, конечно, будут и те, кто сумеет устроиться, а потом будет вспоминать грядущее десятилетие как самое лучшее время своей жизни. Что и говорить, свободы там будет и правда через край: свободы говорить, свободы прессы, телевидения, инакомыслия, религиозной терпимости – всё это реально будет. И это будет по-настоящему прекрасно! Честно, я помню, как упивался этой свободой, такой недоступной еще вчера. В этом смысле я и тогда, в 2020-м и сейчас, в 1984-ом вспоминаю это время с ностальгией.

Плохо лишь то, что эта свобода пойдет рука об руку со свободой бандитам грабить и убивать, свободой богатым обирать свою страну и свой народ. Свободой не платить пенсии и зарплаты по несколько месяцев. Свободой сдохнуть от голода посреди шумного города. К сожалению, у любой медали всегда есть две стороны, но при этом каждый видит только свою, и ничего не хочет знать о другой. Ведь она его не касается. Или пока не касается.

И вновь, не дающая мне покоя мысль: как я могу помочь? Что я могу с этим сделать? И могу ли я вообще хоть что-то сделать? Хоть что-то изменить к лучшему? Может, телепортироваться прямо в Кремль и расстрелять Горбачева с Лигачевым, да и Ельциным уж заодно? Вот только, как знать, не станет ли от этого лишь хуже? К тому же, я солдат, а не убийца.

Я ведь даже не представлял себе, какой груз ответственности свалится на меня, когда давал свое согласие в той кафешке тогда, тридцать шесть лет вперед. Да и не особо верил я тогда этому мужику, если честно. Меня большая волновала тогда дармовая выпивка и жарчка.

* * *

Три недели я пробыл дома, вдоволь наговорился с родителями. Я смотрел на них и не мог насмотреться, не мог радоваться тому, что они здесь, что они живы, что мы снова вместе, что они еще относительно молоды и полны сил. Сходили с ними на могилки к бабушке и к тете, старшей маминной сестре. А потом, сказав родителям, что хочу навестить столицу, поехал в Москву.

Электричкой до Александрова, потом так же электричкой от Александрова до Москвы. Можно, конечно, было бы и на автобусе или на прямом поезде, но так выходило дешевле, хоть и чуть дольше – ведь электрички у «каждого столба» останавливаются. А с деньгами пока было не очень. Конечно, у меня было что-то около четырѐхсот чеков, которыми нам, вместо денег, платили «за речкой»⁸, триста из которых я получил за тяжелое ранение. Но их еще надумаешься обменять или отоварить. Отоварить можно было только в сети магазинов «Березка», по предъявлении военного билета.

⁸ Большая часть границы СССР с Афганистаном проходила по реке Амударья. Войска переправлялись по понтонным мостам через реку, только в 1981 году в районе Термеза появился мост.

А можно было продать спекулянтам или, как их называли – фарцовщикам, в среднем по три с половиной рубля за чек. Что я и собирался сделать в первую очередь.

Поэтому, выйдя на Ярославском вокзале, я сразу свернул в метро. Вы не поверите, какой это кайф – вновь проехать в метро за пять копеек! В общем, доехал я до станции Академическая и направился по Профсоюзной улице к дому №16, где располагался магазин «Березка», торгующий промтоварами. Вообще, в Москве таких магазинов было множество, но они все были специализированными: где торговали обувью, где продуктами, где мебелью или электроникой и т.д. Мне, по сути, было всё равно, но в этом магазине я просто уже бывал, когда приезжал в отпуск – прикупил себе кое-что из одежды на будущее.

Как обычно, возле магазина крутились симпатичные молодые люди, та самая фарца или – фарцовщики. Кстати, я потом как-то поинтересовался, откуда пошло такое название, погуглил в сети. Оказывается, что, скорее всего, корни выводятся от старого одесского слова «форец». Так называли человека, который забалтывает покупателя и сбивает цену, скупая у него товар по дешевке и тут же рядом продавая втридорога.

Но для советского закона того времени это были спекулянты, то есть, ребята в своем роде отчаянные, поскольку постоянно ходили под статьей, которая, насколько я помню, как максимальное наказание предусматривала смертную

казнь⁹. Так что бизнес у них был веселый, рискованный, очень прибыльный, но для кого-то – не очень долгий.

Подойдя к магазину, я стал демонстративно осматриваться вокруг. Через минуту ко мне подкатил молодой человек в кроссовках «Адидас», такой же футболке, джинсах, солнечных очках-капельках и с сумкой через плечо. На сумке, понятно, тоже красовался логотип «Адидас». В общем, как тогда говорили: весь упакованный в фирму. И сразу же между нами произошел разговор следующего содержания:

– Добрый день! – вежливо поздоровался он. – Желаете что-то купить, продать, обменять?

– Желаю обменять чеки, – так же вежливо ответил я.

– Моряк? – оглядел он меня.

– Нет, из-за «речки».

– Понятно. Сколько всего меняешь? – быстро перешел он на «ты».

– Триста девяносто шесть чеков.

Он возвел глаза к небу, видимо, производя в уме быстрый подсчет, и выдал результат:

– Могу дать тысячу сто рублей.

Теперь уже я возвел очи к небесам, включая свой внутренний калькулятор. Хм, получается, где-то по два рубля семь-

⁹ Статья 88 Уголовного кодекса РСФСР «Нарушение правил о валютных операциях» предусматривала уголовное наказание за операции с иностранной валютой и валютными ценностями. Осуждение по ст. 88 предполагало в зависимости от состава преступления лишение свободы на срок от 3 до 15 лет, конфискацию имущества, ссылку на срок до 5 лет и смертную казнь.

десять копеек за чек.

– Не пойдет, – ответил я.

– Даже так? – наигранно удивился он, – сколько же ты хочешь?

– Я слышал, что твердая цена по три с полтиной за чек. Итого – одна тысяча триста восемьдесят шесть рублей. Шесть рублей могу оставить на чай, – нагло ответил я. А чего теряться, это же мои деньги, я за них воевал и чуть, кстати, не погиб. Нет, конечно, воевал я вовсе не за деньги, я же не наемник какой-нибудь, я советский солдат! Но всё же, всё же...

Я ждал, что он начнет сбивать цену и готов был уступить немного, но он неожиданно согласился:

– Как скажешь, служивый, – улыбнулся мой покупатель, – но здесь шумно, давай отойдем за угол.

К этому я был готов. Действительно, кто же производит уголовно наказуемые финансовые операции у всех на глазах? Но вот его быстрое согласие меня насторожило. Я слышал, как они «кидают лохов», подсовывая вместо денег «куклу»¹⁰ или ловко «ломая» пачку купюр, то есть – незаметно оставляя часть денег в своей руке. А залетного солдатика, с их точки зрения, грех не кинуть. Значит, нужно быть настороже.

Я кивнул, и мы прошли в ближайшую подворотню, где

¹⁰ Денежная кукла – это пачка бумаги, нарезанная по формату денег, сверху и снизу которой денежные купюры.

уже другой его коллега вел свой гешефт с испуганной и по-минутно оглядывающейся по сторонам женщиной.

– Показывай, – потребовал мой «купец».

Я достал из своего дипломата тоненькую стопку чеков и подал ему. Он быстро осмотрел, убедился в подлинности, и вернул.

После этого уже он, в свою очередь достал из сумки пачку красных десяток, и быстро отсчитав нужную сумму, протянул ее мне, предложив пересчитать.

Я пересчитал, десятки не хватало.

– Не хватает десяти рублей.

– Неужели ошибся? – удивился он. Но я видел, что удивление его деланное, эти люди в подсчете денег никогда не ошибаются. – Ну-ка, дай мне.

Я вернул ему пачку десяток, и он стал демонстративно их пересчитывать. И тут с моим зрением случилась странная метаморфоза. Я смотрел на его руки и как на рентгеновском снимке, видел их насквозь. И время словно замедлилось. Я с удивлением наблюдал за тем, как он очень и очень медленно пересчитывает деньги, после чего его рот открывается, и из него медленно выплывают слова:

– Нн-аа-дд-оо жжее, ии пп-рр-аа-вв-дд-аа оо-шш-ии-бб-сс-яя!

Так же медленно, будто с трудом преодолевая толстый слой воды, он достаёт из кармана десятку, добавляет её к остальным, переворачивает руку с купюрами ладонью вниз,

и я вижу эту руку насквозь. Вижу, как он большим пальцем сгибает часть купюр снизу пополам, чуть сжимает кулак, и другой рукой вытягивает оставшиеся купюры, зажимая в кулаке те, что «сломил», и, протягивая оставшиеся мне.

«Фигасе, – удивился я, – как ловко у него это выходит!». Что, однако, не помешало мне схватить медленно удаляющуюся в направлении кармана руку с моими кровными деньгами – «А ведь и правда – кровными, – мелькнуло в голове, – деньги-то за ранение!» – развернуть её вверх и раскрыть сжатую ладонь со «сломленными» деньгами.

– А-а-а! – вскрикнул от боли парень, и стало ясно, что время вернулось к своему нормальному течению.

Я забрал свои деньги и внимательно посмотрел на мошенника, проделывая все эти действия как на автомате и понимая, что обдумывать случившееся я буду позже. Сейчас надо действовать:

– Что будем делать?

– А чего ты хочешь? – зашипел он, тряся в воздухе вывернутой рукой и злобно сверкая глазами. – Забирай своё бабло и проваливай, пока цел. И не забудь чеки отдать.

И здесь опять что-то накатило на меня и я, глядя ему прямо в глаза, четко и отдельно сказал:

– Доставай все деньги, что у тебя есть.

Парень как-то быстро моргнул, и глаза его застыли. Так, с застывшим взглядом, он стал доставать деньги из сумки и карманов. Я глянул, там были наши рубли и зеленые доллары

и чеки. Я взял деньги, кинул их в «дипломат», а все чеки, включая свои, протянул обратно – зачем они мне?

– Держи.

Он также молча взял чеки и, сунув их в сумку, застыл, глядя на меня неподвижным взглядом.

– После того, как я произнесу «три», ты выйдешь из подворотни, вернешься к магазину, а обо мне забудешь. Ты меня никогда в жизни не видел. Понятно? – слушал я себя как бы со стороны, удивляясь произносимым мною словам. Откуда это во мне?

– Понятно, – безжизненным деревянным голосом ответил он.

– Ну, тогда – раз, два, три!

Парень молча развернулся через плечо и направился к выходу на улицу. Я пошел следом за ним, но если он свернул к «Березке», то я зашагал в противоположную сторону, по направлению к метро.

Я шел, и в голове у меня билась одна единственная мысль: «Ничего себе! Ну, ничего себе, а?!». Сказать, что я был удивлен, значит, не сказать ничего. Я был полностью ошеломлен, в некотором смысле даже подавлен произошедшими чудесами. Радости не было, была тревога. Всё это мне как-то не очень нравилось и требовало немедленного осмысления.

* * *

Доехав до метро «Кировская»¹¹ и, немного не дойдя до

¹¹ Сегодня станция метро «Чистые пруды».

Чистых прудов, я сел на первую свободную лавочку и крепко задумался.

Итак, что мы имеем? На сегодняшний день я выявил у себя следующие способности. Первое – быстрая регенерация поврежденных тканей тела. Надо бы выяснить, насколько быстрая? Это очень важно. Я достал из заднего кармана джинсов перочинный ножик, который лежал там на всякий случай, и быстро провёл лезвием по большому пальцу. Поплилась кровь, я сунул палец в рот и задумался о том, чем его перевязать, если он откажется заживать немедленно. Однако уже через минуту я с удивлением и удовлетворением смотрел на тоненький белый рубец на месте ранки. Что ж, пожалуй, собак из поговорки по части заживления ран я переплюнул. С этим более-менее ясно. Хотя, конечно, ничего не ясно. Но – работает.

Что у нас дальше? А дальше у нас телепортация. Здесь нужна практика, а я как-то побаиваюсь, если честно. Вынырнешь так перед носом несущейся машины, и поможет ли тогда свойство быстрой регенерации – бабка надвое сказала. Ладно, потом разберемся, ибо это очень важное умение. Сейчас следует обдумать остальные выявленные способности. Как бы их назвать?

Ну, допустим, способность ускоряться (а то, что это именно для меня время ускорилося, а не для фарцовщика затормозилось, я уже сообразил) можно так и назвать: «ускорение». Хотя, на самом деле, конечно, это вовсе не я сам уско-

рился. Такого ускорения моя брeнная плоть просто не выдержала бы и развалилась под действием биомеханики. Уж это-то я понимал. Тут что-то со временем, поскольку я не чувствовал никакого физического ускорения. Значит – ускорилось время. И только для меня. Как это работает, и могу ли я включать «ускорение» времени по собственному желанию или оно включается автоматически, по мере необходимости? Я посмотрел по сторонам и попытался мысленно приказать времени ускориться, посмеиваясь над самим собой: гляди, какой повелитель времени выискался! Однако люди, шедшие мимо, послушно зависли как мухи, попавшие в сироп. Я приказал про себя: «Еще быстрее!». И люди на аллее почти зависли. Пока молодая пара с ребенком в коляске делала один шаг, я успел сделать вокруг них несколько кругов и усесться обратно на лавку, а они еще так до конца и не шагнули.

Я мысленно скомандовал отбой, и молодая семья пошла вперед нормальным прогулочным шагом. Впрочем, сами они ничего, похоже, не заметили, даже то, что я вообще вставал с лавки и ходил вокруг них. Возможно, что-то и мелькнуло у них перед глазами, но не похоже, чтобы они обратили на это внимание.

Так, с этим тоже ясно, в смысле – не ясно, а понятно. В смысле – не понятно, но знаем, как работает. Ничего особенного, я ведь не знаю, как работает телевизор, но умею его включать и выключать. То же самое и здесь.

Что там следующее? Ага, внушение. Еще одна очень важная способность. Я постарался припомнить точно, как я тогда все делал. Похоже, необходимо, чтобы человек глядел тебе в глаза. Ну-ка, попробуем. Я встал и шагнул навстречу спешащей куда-то женщине среднего возраста в желтом платье и с такого же цвета сумочкой через плечо.

– Извините, пожалуйста!

– Да? – женщина остановилась и подняла на меня глаза.

Я поймал взглядом ее зрачки и почувствовал, что она попалась и полностью в моей власти.

– Вы очень хотите мороженое. Вы сейчас вернетесь и купите себе мороженое у мороженицы, мимо которой вы только что прошли.

Женщина очень характерно, прямо как тот фарцовщик, очень быстро моргнула, и взгляд ее застыл, не в силах оторваться от моих глаз.

– Какое мороженое? – спросила она каким-то бесцветным голосом.

– Ну, скажем, эскимо. Вам понятно?

Женщина кивнула.

– И еще, – добавил я, – как только отвернетесь, тут же забудете обо мне. Идите.

Женщина спокойно, но несколько механически развернулась, но потом пошла по направлению к лотку мороженицы уже вполне нормальным шагом. А я сел на лавочку и наблюдал за ней издали. Купив эскимо, она опять направилась в

мою сторону и прошла мимо, совершенно не обращая на меня никакого внимания. Она лизала мороженое с задумчивым видом, очевидно, удивленная своим неожиданным поступком.

Я весело засмеялся, не удержавшись. Она оглянулась, неодобрительно посмотрела на меня, одновременно проводя рукой сзади по подолу, Видимо, пытаюсь определить, не вызвано ли мое веселье чем-то в её туалете. Но я уже отвернулся и задумался. Итак, вероятно, это какой-то очень сильный гипноз. Тоже требует исследования границ применения.

И последняя оставшаяся способность, это – «рентген». Так я назвал умение видеть насквозь. Я ведь насквозь видел руку мошенника, «сломавшего» пачку денег. Как бы это проверить? Я стал глядеть на прохожих, пытаюсь внутренне настроиться, но ничего не получалось. Хм, а если попробовать, как и с предыдущими способностями, – просто мысленный приказ? Я произнес про себя «Рентген!» и мимо меня пошли скелеты. То есть, конечно, обычные люди. Но я и правда, видел их насквозь. Не только нижнее белье и то, что под ним, но и то, что под кожей, что внутри желудка, кишечника и всего остального. Ох, блин, ничего себе!

– Стоп! – мысленно крикнул я и всё прекратилось. А я покрылся липкой испариной, и тошнота подступила к горлу. Все же я не изучал медицину, в моргах не практиковался и изнутри людей никогда не рассматривал. Тем более, живых людей. Конечно, на войне пришлось видеть всякие ранения,

в том числе и кишки, вывороченные наружу. Но всё же это совсем другое.

Я попробовал мысленно представить себе колесико, регулирующее глубину проникновения взгляда, и чуть прокрутил его назад. Фу, елки, это же другое дело! Мимо пошли нормальные люди, я видел их нижнее бельё и то, что под бельём, но не глубже. Никаких скелетов и внутренностей, просто голые люди и всё. Я еще немного уменьшил мощность «рентгена» и нижнее бельё надежно укрыло интимные части тел. Зато я прекрасно видел, что в карманах и сумочках.

Так, а если в обратную сторону? Я провернул регулировочное колесико в обратную сторону до конца. И вот уже мимо меня поплыли прозрачные, еле угадываемые силуэты, которые совершенно не заслоняли для меня окружающий пейзаж. Я вернул все обратно и откинулся на спинку лавочки.

И тут, наконец, накатило. Мне неожиданно стало так страшно, что буквально заколотило всё тело. Затряслись не только конечности, но, кажется, даже внутренности. Да кто же я такой вообще? В кого меня превратили? Человек ли я еще? Тот ли я, за кого себя принимаю? Что со мной сделал этот Александр Валерьевич? И для чего? Что ему от меня нужно? Какие цели он преследует? И какое место в его планах отводится мне? И вообще: кто он? Дьявол, ангел? И кто я для него: забавная игрушка или инструмент достижения целей, которые мне не известны? Весь опыт моей прежней жизни кричал о том, что добрых волшебников не бывает. И

если тебе что-то дают, то потом за это сдерут с тебя три шкуры.

Просидев так с полчаса и немного успокоившись, я почувствовал голод. Последний раз я завтракал дома рано утром, а сейчас время уже послеобеденное. Решив, что переживания и страхи ничего не изменят, я решил перекусить. Деньги у меня теперь были. Кстати, сколько?

Я открыл «дипломат», стараясь держать его крышку так, чтобы проходим не было видно находящееся внутри. Закончив подсчет и засунув тонкую пачку трешек¹² в карман, я закрыл замки и задумчиво посмотрел вдоль аллеи. Итак, я стал обладателем четырех с половиной тысяч рублей и пяти-сот долларов США. Четыре с половиной тысячи рублей по нынешним меркам очень большие деньги, а вот за доллары, если их у тебя обнаружат, можно и в тюрьму загреметь. Но я уже мало беспокоился о том, что могут мне сделать люди, пусть даже люди в форме. Пожалуй, теперь это им следует беспокоиться за себя при встрече со мной.

Я встал и направился в сторону кафе «Джалтаранг», в просторечии именуемому «Джангом» или просто «стекляшкой», поскольку фасады здания были облицованы прозрачными и черными стеклянными панелями в алюминиевых рамах. Помнится, в восьмидесятые годы меню этого кафе и ресторана на втором этаже носило некий индийский колорит.

¹² В СССР 80-х имели хождение денежные купюры достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей.

А также здесь варили неплохой кофе.

Вообще, заведение для Москвы того времени было культовым. Вечерами здесь собиралась модная тусовка, и попасть внутрь было проблемно (только не для меня нынешнего). Однако сейчас стоял день, поэтому я вошел внутрь без каких—то проблем. Сев за свободный столик, я взял меню. Да уж, цены такие, что глазам не верится! Но именно такими они тогда и были. К примеру, кофе черный без сахара — шесть копеек, кофе с лимоном — двенадцать копеек, с ликером — двадцать пять копеек, с коньяком — пятьдесят шесть копеек.

Я заказал кофе черный за шесть копеек и целую тарелку треугольных жареных индийских пирожков с курицей под названием «самоса» по двадцать пять копеек за штуку. С ними подали какой-то очень жгучий красный соус, ингредиенты которого, кроме перца, я определить не смог. Я поглощал один пирожок за другим, макая в соус и запивая действительно неплохим, с такой интересной кислинкой кофе (индийский?), смотрел на водную гладь пруда, решая, что делать дальше.

* * *

Пожалуй, мой план по устройству в милицию придется пересмотреть. Просто, в свете вновь открывшихся обстоятельств, это было совершенно ни к чему. Удостоверение и доступ к оружию, конечно, неплохо, но для меня больше не актуально. Всё, что мне понадобится, я могу достать и сам.

Как и попасть туда, куда мне надо. К тому же, служба в милиции – это постоянный контроль: ты всегда на виду, тебя окружают сослуживцы, над тобой куча начальства. Нет, пожалуй, это вовсе не то, что мне нужно. Мне нужна какая-то тихая и незаметная работа, дающая как можно больше свободы. А желательно, вообще лишь фиктивное устройство дворником, например. Деньги у меня есть, закончатся – добуду еще. Криминальных денег по Москве всегда много ходит, можно их реквизируют как нетрудовые накопления. А вот где-то жить я должен. То есть нужна московская прописка и формальное устройство на работу. Сейчас не 21-й век и даже не девяностые годы 20-го, без прописки и работы на свободе не проживешь, поскольку за тунеядство и отсутствие регистрации существуют соответствующие статьи уголовного кодекса. Хотя... с моими-то способностями, что мне эти законы?

Я подумал и решил, что проблем со всем этим у меня не будет, учитывая, что после демобилизации у меня есть законные два месяца, в которые я могу не работать. Значит, нужно решить вопрос с жильем, а потом уже решить вопрос с целью и смыслом моей новой жизни. С тем для чего я здесь и чего хочу сам.

И так вот продолжался мой внутренний диалог молодого меня со старым мной до тех пор, пока я окончательно не успокоился, доел пирожки, и решил, наконец, заняться делом.

Подозвав скучающего неподалеку официанта и посмотрев

ему в глаза, я велел сесть. Тот, характерно моргнув, послушно сел и уставился на меня «деревянным» взглядом. Я же приступил к разговору:

– Я твой лучший друг, понял?

– Понял.

– Как тебя зовут, друг?

– Андрей.

– Андрюха, дружище, знаешь, где можно снять хорошую квартиру?

– Знаю.

– Сведешь меня с хозяевами?

– Хозяева на два года уехали в загранку, ключи оставили мне. Я могу сдать. Хозяева – мои родственники. Они не будут против этого. Такой вариант мы с ними обговаривали. Только при условии соблюдения полного порядка.

– Ты же мне веришь?

– Конечно, я тебе верю.

– Квартира далеко?

– На Мосфильмовской.

Я прикинул, это метро Киевская, потом несколько остановок наземным транспортом. Район неплохой, тихий, рядом несколько посольств.

– Большая квартира?

– Двушка со всеми удобствами, сорок пять кв. м, телефон, лоджия.

– Сколько стоит?

– Шестьдесят рублей в месяц.

Да уж, совсем не дешево, но я решил не мелочиться. Все же деньги мне не тяжким трудом достались.

– Годится. Когда можно вселиться?

– Я могу принести ключи, они у меня с собой. Поезжай и живи.

– Неси.

Официант Андрей сходил за ключами, принес, сел напротив, и придвинул ключи по столу ко мне.

Я открыл «дипломат» и отсчитал триста шестьдесят рублей.

– Это за полгода вперед.

Андрей молча кивнул.

– Называй адрес.

Он назвал адрес, этаж, номер квартиры, всё так же, не отводя своего взгляда от моих глаз. Похоже, он был просто не в состоянии это сделать.

– Андрей, запомни, – заговорил я. – Как только я сейчас рассчитаюсь с тобой за заказ и выйду, ты забудешь обо мне, совсем забудешь о квартире на Мосфильмовской и о том, что ты ее кому-то сдал. Триста шестьдесят рублей ты подобрал под столом, какой-то лох посетитель, потерял их. Всё понятно?

– Да.

Я положил на стол трехрублевую купюру, и пафосно произнес «Сдачи не надо!», встал и вышел из кафе. Через стек-

лянную стену я еще немного посмотрел за Андреем, но тот, как ни в чём не бывало, стал убирать со стола. Я улыбнулся и подумал, что мог бы вообще не отдавать ему деньги за квартиру. Но это было бы уже как-то совсем подло, что ли... И еще я подумал, что слишком уж гладко у меня всё идет.

* * *

По пути зашел в «Гастроном» и купил хлеба, масла, сыра, колбасы и чая. На завтрак хватит, а обедать и ужинать можно в других местах. Все равно повар из меня никакой.

Квартира оказалась и правда нормальной, чистенькой. В общем, то, что доктор прописал! Включив холодильник и загрузив туда продукты, я присел на диван, раздумывая, чем бы заняться. Несмотря на то, что дело шло к вечеру и у меня были открыты все окна, летняя жара заставила раздеться до трусов. Кондиционеров здесь, к сожалению, пока нет. Эх, искупаться бы сейчас! Где-нибудь на пляже Варадеро погрузиться в прохладные воды Атлантического океана! Стоп, а что мне мешает?

Я быстро взглянул на часы: шесть вечера. Отнимаем восемь, получается, на Кубе сейчас десять часов утра. Самое время для водных процедур! Я надел джинсы, футболку и кеды. Встал посреди комнаты и мысленно представил себя на побережье острова Куба в том месте, где я бывал двадцать лет вперед. И даже не открывая глаз, понял, что все получилось. Стало еще жарче, но по-другому, это уже была не московская духота. И прямо в лицо веял лёгкий ветерок, неся

запахи океана, тропической зелени и песка.

Я открыл глаза и прошептал: «Ну, здравствуй, Атлантика, давненько мы с тобой не виделись! Я вернулся». Замерший и абсолютно счастливый я стоял и не мог оторвать взгляда от завораживающей своей запредельной красотой мощи. Помню, когда мы с женой впервые увидели Атлантический океан, это было в Доминиканской республике, мы какое-то время не могли говорить, просто не было слов для выражения своего восторга. Мы без слов счастливо, как дети, смеялись, глядя вокруг. Кто был, тому не надо рассказывать. А кто не был, пусть вспомнит рекламу «Баунти – райское удовольствие». Вот эта самая картинка, будто ожившая, предстала тогда перед нашими глазами.

А потом мы открыли для себя Кубу. По природе и красоте всё то же самое, между островами всего восемьдесят километров. Тот же океан, тот же пляж с белым коралловым, почти не нагревающимся даже в самую жару, песком. Но народу на пляже в разы меньше, ведь на Кубу не пускают туристов из США, в Доминикане же они составляют большинство отдыхающих. Да, конечно, сервис на Кубе, может, и похуже, но красота пустынного пляжа для нас решила всё.

А сейчас я вообще стоял один, на расстоянии взгляда абсолютно никого. Только океан, дышащий легкими волнами и ласкающий взгляд глубиной ультрамарина, а с другой стороны – океан пальм, склоненных над пляжем. Никаких рукотворных строений не видно. Лишь величественно парящие

над водой пеликаны. Если я как-то могу представить себе рай, то он должен выглядеть очень похоже на то, что предстало пред моими глазами.

Ну, точно, это же почти самое окончание острова, здесь до противоположного берега меньше километра. Возможно, в восьмидесятые здесь еще и не было никаких отелей? Если не ошибаюсь, кубинцы только в девяностые стали сдавать землю в аренду мировым сетям, которые здесь и расположились. Но, может быть, отсутствие людей объясняется как-то иначе. Я не стал ломать себе этим голову.

Еще раз огляделся вокруг – никого. Плавки я в суматохе не захватил, а трусы мочить неохота. Если никто не видит, то можно искупаться и голышом. Что я и сделал: сбросил с себя одежду, и, загребая песок ногами, с улыбкой до ушей побежал навстречу сказочной синеве, где медленно погрузился в теплую июньскую воду, ощущая давно забытое блаженство.

Я лежал на воде, раскинув руки и ноги, глядя в небесную синеву и время от времени бросая взгляды на пустой берег. Лежал и думал о своем прошлом, которое было в будущем. Там бомж Гоша Куба просыпался в сыром подвале на куче грязных тряпок, и бомжиха Лёля угощала его остатками вчерашней отвратительной палёной водки. Две жизни, два мира, два совершенно разных человека. И всё это обо мне. А дальше... дальше, похоже, всё будет еще веселее. Или не будет.

Наплававшись досыта и пожалев, что не прихватил с со-

бой полотенце я, подобрав одежду, мгновенно перенесся в московскую квартиру, ставшую на какое-то время моим домом. Принял душ, вытерся и, глядя на себя в зеркало, ощутил такое чувство, что что-то не так, чего-то не хватает. И пришлось сильно напрячься, прежде чем я понял, что не вижу шрама от ранения. На его месте была лишь молодая и ровная кожа. Ничего себе! А ведь этот шрам был и в пятьдесят шесть лет – белый, расплывшийся, но был! Вот это регенерация! Как бы проверить ее пределы, а? Но с этим я решил подождать. Боязно все же.

А пока решил, что пора навестить родителей, переночевать дома, а с утра уже совсем переселяться в Москву. Надо обдумать, что сказать маме с отцом, поскольку использовать против них свое искусство гипноза я не собирался. Ну, если только совсем чуть-чуть, для их же спокойствия.

Глава IV

Апрель 1985 года

Десятого марта умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко. Уже на следующий день на его место был назначен относительно молодой в череде «кремлевских старцев» и прогрессивный Михаил Сергеевич Горбачев. И уже седьмого апреля начнется то, для чего Горбачев и пришел: СССР объявит мораторий на размещение ракет в европейской части страны до ноября текущего года. И это будет первый шаг к разрушению всей, тщательно выстроенной системы обороны государства. В июле, насколько я помню, министром иностранных дел будет назначен Шеварднадзе, сделавший в том варианте истории многое для развала СССР. А в ноябре Горбачев впервые встретится с Рейганом, президентом США. Позднее Рейган вспоминал о своей первой встрече с Горбачевым так: «Когда я шёл на встречу с советским генсеком, то ожидал увидеть одетого в хрестоматийное большевистское пальто и каракулевую пилотку товарища. Вместо этого меня представили одетому в модный французский костюм господину с часами «Rado Manhattan»... Взглянув на них, я подумал – «Д-а-а... Он продаст нам всё!». Рейган не ошибся, до полного развала государства осталось чуть больше пяти лет. К слову, сам Рейган носил тогда одну из моделей «Casio» – совсем недорогих,

но добротных часов, без всяких наворотов.

* * *

Что касается меня, то за прошедшее время я многое понял, отточил все свои способности и обжился в новом старом времени. Здесь я чувствовал себя уютно, ведь это было время моей молодости. Да и сам я был молод и полон сил. Я уже давно забыл, как это – быть молодым и здоровым. Каждый день был для меня полон удовольствия, просто потому, что в отличие от остальной окружающей меня молодежи, я точно знал, как бывает по-другому. Может быть, кому-то из моих современников не хватало бы здесь интернета, компьютеров и прочих гаджетов, но я же бывший бомж, у меня и там-то их почти не было. Когда я, так сказать, «ушел в штопор», расставшись с обществом нормальных людей, всё это только еще становилось общедоступным, поэтому привыкнуть к компьютеру и смартфону я просто не успел. А потому и не скучал по ним. А прессу и книги я читал до самой смерти, на помойки их много выбрасывают.

Родители думали, что я учусь в МГУ, что, кстати, было чистой правдой. Поскольку, записавшись на прием к ректору, я легко убедил его зачислить меня в университет на второй курс физмата (все же я закончил уже первый курс пединститута) и выписать мне студенческий билет. Я просто его очень убедительно попросил об этом и он, конечно, не отказал. Как ему удалось это проверить, мне было совсем не интересно. Наверняка имелись возможности. Кто—

то скажет: почему в МГУ, что за понты? Ну, потому что, во-первых, это и правда один из лучших ВУЗов СССР, и диплом его котируется очень высоко. А, во-вторых, как бы для кого-то цинично это ни звучало: просто потому, что имею такую возможность. Вот, в прошлой жизни не было у меня шансов, а в этой есть. И я его использовал, независимо от того, нравится это кому-то или нет. К тому же, учиться я собирался по-настоящему, и закончить с красным дипломом. Потому что даже самому себе порой нужно доказывать, что ты что-то можешь.

Конечно, я очень много путешествовал по всему миру. Теперь для меня легче было перечислить те страны, где я не был, нежели те, в которых довелось побывать. По-прежнему купаться и загорать я больше всего любил на Кубе, поражая московских аборигенов великолепным загаром посреди зимы. Уже одно это заставляло их предполагать мою принадлежность к советской элите, поскольку выезд за рубеж был по-прежнему малодоступен для большинства населения. Не то, чтобы совсем нельзя было побывать за границей, но это было не так просто – да и то, в основном, лишь в соцстраны.

Нет, если ты был знаменитым артистом или, там, выдающимся ученым, спортсменом или дипломатом – то это совсем другое дело. Но у этих прослоек советского общества жизнь была совсем иная, и сравнивать с ними остальное население не было никакого смысла.

Мне же, как вы понимаете, разрешение на посещение лю-

бой точки мира ни от кого не требовалось. К тому же, поэкспериментировав с телепортацией, я научился сначала открывать «окно» с односторонней видимостью в то место, куда хочу переместиться. То есть, я вижу все, а меня никто не видит, как, собственно, не видит и никакого «окна». Я с самого начала догадывался, что такая опция должна быть, иначе телепортироваться всегда было бы просто опасно для жизни. И это «окно» позволяло мне предварительно осмотреться и скорректировать место прибытия, поскольку свидетели мне были не нужны. Да и перспектива оказаться внутри стены, например, или перед бампером несущегося автомобиля или, не приведи Господь, электрички долго меня пугала.

Смешно, но однажды я схлестнулся с местной шпаной в США. Сам, конечно, виноват. Предупреждали меня: не ходи в Гарлем, особенно вечером, ведь ты белый и один. Но, к тому времени я уже возомнил себя суперменом. И вот иду я себе по одной из прямых, как стрела улиц этой северной части острова Манхэттен и вдруг вижу, как несколько парней пинают одного, валяющегося на асфальте и громко орущего. А путь мой прямо мимо них пролегает. Что делать? Вроде бы, свои у них разборки, тем более – все черные, какое мне дело? Может, вообще за дело его буцкают? Но как бы ни так, я же супермен!

Короче, подошел я к ним и потребовал, чтобы они прекратили это безобразие. Я был так уверен в собственных силах и сверхъестественных способностях, что даже не заметил

банального трюка. Один из них тихонько зашел сзади и пока остальные что-то мне орали, тюкнул деревянной дубинкой мне по темечку. И я отъехал в дальние и темные края, куда отъезжают все, теряющие сознание люди. Очнулся в полицейском участке, спасибо местным копам за то, что регулярно патрулируют эти места. Они хоть и тоже черными были, но меня спасли. А то был вариант, что запинаят до смерти: белый, да еще и в их разборки вписался!

В участке меня стали опрашивать, но я, сделав вид, что сильно болит голова (так оно и было на самом деле – и не только голова, все тело!), попросился в туалет – дескать, вырвет меня сейчас. Коп поморщился и указал рукой направление. Сопровождать меня не стали, ведь я потерпевший, а не обвиняемый. Поэтому, тихо зайдя в туалет, я сразу же перенесся в московскую квартиру, где в первую очередь, кинулся к аптечке за аспирином. После чего, измученный, с ноющим во всех местах телом, я лег спать. Так закончилось мое знакомство с нашими братьями по борьбе с эксплуататорским строем – американскими неграми. В СССР тогда негров неграми называли, не дожили еще тогда до толерантного, но непонятного наименования «афроамериканцы». Ведь нет же «европоамериканцев» или, скажем, «австралоамериканцев», правда?

Слава Богу, способность к регенерации не подвела, и утром я проснулся как новенький. Но урок для себя извлек: способности способностями, но осторожность это никак не

отменяет. Будешь дураком, никакие способности не спасут.

А буквально через несколько дней довелось мне познакомиться и с местной московской шпаной. Просто какая-то невезуха мне на шпану! Как говорится: смотрите новый хит – «Супермен и шпана 2», на этот раз в Москве!

Но что это была за шпана в сравнении с отморозками из Гарлема, а уж тем более – нашими местными бандитами грядущих девяностых! Просто скромняги и пай-мальчики! Однако драться они любили и умели. Да и деньги на портвейн им тоже надо было где-то брать.

* * *

В общем, все началось с прозаического: «Закурить не найдется?». Я даже засмеялся, услышав это, ибо летят десятилетия и даже века, а классика бандитского жанра не меняется. Сколько ограблений, драк и всевозможных разборок начиналось, начинается и будет начинаться в будущем именно с этого классического вопроса. Хотя, в более отдаленном будущем, может, и нет, поскольку в двадцать первом веке все же по всему миру наблюдалась явная тенденция к снижению числа курильщиков. Ну, будет что-то другое.

Случилось это в самом конце прошлого лета. Я тогда возвращался домой поздно вечером, и гоп-компания окружила меня совсем недалеко от нашего двора. Вообще-то я встречал их и раньше, они в этом районе, как говорят – «держали шишку» и их боялись даже взрослые, не говоря уже о ровесниках. Очевидно, какое-то время они приглядывались ко

мне, а вот теперь решили «пощупать». Да и кого им бояться, если их с десяток, а я один? Московская шпана, скажу я вам как специалист, ничем не отличается от шпаны в любом провинциальном городке нашей необъятной Родины. Ну, разве что, одеты чуть лучше. Они всегда нападают стаями, беря численным превосходством и связанной с этим самоуверенностью. И если уж они до тебя докопались, нужен серьезный аргумент, чтобы они вдруг изменили свои планы.

А потому с самого начала я понимал, что миром не закончится. К тому же, следовало преподнести им урок, чтобы подобное никогда больше не повторялось, все же это не Америка, я здесь живу и хожу по этим улицам постоянно. Другого языка они, к сожалению, не понимают. Поэтому, я ответил коротко и нагло:

– Нет.

Знаю я эту фишку! Если у тебя спрашивают закурить, а ты в ответ говоришь, что не куришь, то тут же попадаешь в нехитрую ловушку хулиганов: «А тебя никто и не спрашивал, куришь ты или нет. У тебя сигарету попросили!». Поэтому я и не стал рассказывать им о своих привычках или их отсутствии.

– Парни, да он, оказывается, жмот!

В каждой такой полукриминальной компании есть своя иерархия и распределенные роли для всех остальных. В частности, начинают всегда «торпеды» – как правило, более мелкие и младшие по возрасту, но очень наглые пацанчики. Ко-

нечно, наглость их проистекает из уверенности, что за ними стоят старшие, сильные и авторитетные. Те, как правило, потом как бы вступаются за, якобы, обиженных маленьких. Оно даже, вроде как благородно! Я же говорю – классика жанра!

Повесив на лицо наглую улыбку, я произнес как можно более язвительный тоном:

– Курить вредно, ты разве не слышал, малыш?

– А ты чё, спортсмен, чё ли? – продолжал коверкать язык в подобии блатного жаргона мелкий. Видимо, ему казалось, что так круче.

– Ну, типа того.

– Ща проверим, какой ты спортсмен. А ну, выворачивай карманы!

– Пошел на хер! – Немного другие буквы были на конце последнего слова, но суть та же. Эх, не люблю я материться, честное слово. Но здесь требовалось подстегнуть события, не до утра же с ними препираться! А лучший способ для этого – нарываться в полную силу.

– Э-э-э, ты чё, борзый?

Я спокойно повторил свое предложение проследовать по натопанному маршруту.

Нет, я оценил их правильно. Уж в этот раз, поверьте, я был настороже. Повторения американской истории я допускать не собирался. Компания была слаженная, роли распределены заранее, как и порядок действий. Короче, они броси-

лись на меня все одновременно – быстро, умело. Было видно, что опыт у них имелся. Ну, так им казалось, по крайней мере. Для меня же они просто застыли как в густом сиропе – в самых разных позах, но все устремленные ко мне с решительными лицами. Любо-дорого посмотреть – картина маслом: «Решительный штурм лоха отважными героями подворотен»!

Я не торопясь обошёл эту скульптурную группу, плотно заматывая носовым платком правый кулак, чтобы не сбить костяшки пальцев. Начал я с главного – рослого и даже красивого, если бы не портящие лицо подростковые прыщи, парня лет восемнадцати – девятнадцати, с наколотым перстнем на пальце левой руки. Значит, скорее всего, уже успел побывать в местах, которые почему-то принято называть «не столь отдаленными», хотя порой они расположены далеко-далеко.

Нет, я не ветеран дворовых сражений. Старался их по возможности избегать. Да и силачом никогда не был. Однако случалось в моей жизни всякое, в том числе драки. Куда ж без них? К тому же, класса до восьмого я ходил в секцию бокса. Вершин, правда, не достиг, а потому и бросил. Чего задаром по голове получать, если чемпионство тебе не светит? Так что, кое-какой опыт и некоторые навыки у меня все же были.

Резко, с разворота, ударил в нос и одновременно в губу главному «авторитету». Сильно не старался, боясь убить.

Ведь мое время ускорено, значит, и сила удара повышается в разы. И так гарантированно кровь брызнет оттуда и оттуда. Но не сейчас, лишь когда я разрешу, дав мысленный отбой ускорению. Следующий удар в ухо наверняка увеличит его в размерах. И напоследок – хук в солнечное сплетение. Да, не забылись навыки, хотя о боксе сейчас только сломанная переносица напоминает. Кстати, надо бы ее в этой жизни выправить!

Так, этому хватит, я перешел к следующему. В общем, не буду я описывать сцену избиения, скажу лишь, что досталось всем прилично, но разнообразно. Я дал волю своей фантазии. При этом я старался никому ничего не ломать, зубы не выбивать и т.д. Мне нужно было преподать урок, а не покалечить. Да и честно говоря, жалко было этих глупых ребят, обманутых блатной романтикой. Они хотели красивой жизни, но кого-то из них ожидали лишь тюремные нары и сломанные судьбы. Совершенно ничего красивого в такой жизни нет. Подумав об этом, я даже немного отвлекся, задумавшись о том, как мы в юности были уверены, что надо попробовать всё, чтобы потом в старости было о чем вспомнить. Наивная ошибка, свойственная многим молодым людям! Горькая ирония этого юношеского лозунга заключается в том, что большинство из того, что мы тогда отчебучивали, в старости вспоминать вовсе не хотелось. Наоборот, хотелось это забыть, как будто и не было ничего. Почему? – Да просто потому, что становилось стыдно за те выходки, что по

дурости молодой мы себе позволяли. Они ведь только молодым придуркам кажутся крутыми. Да и вообще, в старости ты чаще вспоминаешь, куда же положил свои очки, нежели что ты там вытворял в возрасте незрелого помидора.

Закончив, я отошел в сторону, щелкнув воображаемым переключателем. Вот только что они с решительными и уверенными лицами неслись разобраться с залетным фразером... И вот они уже падают с криками боли на грязный асфальт, в свете уличного фонаря брызжа кровью из разбитых носов, губ и бровей. Да уж, ничего себе! Эффектная картина получилась!

Впрочем, хватило с первого раза не всем, что и понятно – ребята молодые, здоровые, горячие, привыкшие, что их все боятся. Многие просто не поняли. Так что пришлось повторить. На этот раз никто вставать не спешил – лежали, стонали, охали, приходили в себя.

Я подошел поближе:

– Ну и что мы тут разлеглись, девочки? – вспомнил я американские фильмы. – Не на пляже в Гаграх. Давайте, вставайте, продолжим беседу.

– Слышь, мужик, – приподнимаясь и сплевывая кровь, прохрипел вожак. – Ты ваще кто такой?

– Я-то? Я твой личный ночной кошмар. А вот кто ты, щенок?

– Ты, слышь, извини. Мы, того, типа ошиблись малёхо.

– Вставай, есть разговор, – протянул я ему руку.

Он подумал и принял помощь. А я подал ему все равно уже испорченный платок.

– Вытри кровь, и давай отойдем.

Отойдя в сторонку, мы сели на лавочку под кустами акации. Прямо, как на первом свидании – романтика! А запах какой, ум-мм!

– Обзовись, – начал я «серьезный базар».

– Федя я, ну, то есть – Фёдор, – поправился новый знакомец. – Погоняло «Кошак».

– Кошак?! – хохотнул я.

– Да, бл..., фамилия у меня – Кошаков.

Я ухмыльнулся и кивнул на наколку-перстень:

– Бывал у хозяина?

– Было дело, – он помолчал, но все же добавил, – малолетка на Костроме.

Я кивнул, как будто для меня все это было хорошо знакомо.

– Баклан¹³? – задал я следующий вопрос.

– Ну! – сплюнул он кровью.

– Меня Егором зовут, я вон в том доме хату снимаю.

– Да я в курсе, – ответил Федя Кошак.

– Будем знакомы? – предложил я, протягивая руку. Все же, с местной гопотой лучше быть в хороших отношениях. Да и мало ли пригодятся для чего?

¹³ Баклан (тюремный жаргон) – отбывающий срок за драку. Статья 206 УК РСФСР – хулиганство.

– Надо бы обмыть знакомство, – ухмыльнулся он, вяло пожимая мою ладонь.

М-да, контингент, конечно, неисправимый. Я вообще всегда удивлялся, отчего колонии для заключенных называют исправительными? Я лично не знаю никого, кто бы там исправился. Хотя я и не эксперт в этом вопросе, но с бывшими сидельцами в прошлой жизни общаться приходилось много. Практически все мои коллеги – бомжи из прошлого будущего отсидели не по одному разу. От них я, в общем, и нахватался жаргона и прочих тюремных ухваток.

– Дело хорошее, – кивнул я, – засылай гонцов. И протянул ему красненькую¹⁴.

Вот так мы и познакомились с местными представителями мелкого криминалитета. С теми, кто, если всё пойдет как в прошлой истории, станут быками, торпедами и авторитетами грядущих «лихих девяностых» и, в большинстве своем полягут молодыми на полях криминальных войн, удостоившись памятника с надписью «От братвы» – всё, чего они добьются в своей короткой жизни. И завидовать такой судьбе могут только полные дебилы, которых, к сожалению, всегда хватает.

* * *

В общих чертах я для себя всё решил. Я постараюсь сделать так, чтобы Перестройка в моей стране прошла в щадящем для простых людей режиме. Как именно это сделать,

¹⁴ Красненькая – купюра в 10 рублей в позднем СССР была красного цвета.

я по-прежнему представлял смутно, но цель уже наметил. Не то, чтобы я был сторонником социалистического образа жизни, вовсе нет, но мне бы хотелось совместить лучшее, что было в СССР с лучшим, что есть в капитализме. А всего плохого там и там, по возможности избежать.

Скажете, утопия? – Конечно, утопия. А разве всё, случившееся со мной, это обыденное событие? Так что, посмотрим. Попытайтесь-то можно, правда? А там видно будет.

В общем, я начинаю. Кто не спрятался, я не виноват.

Глава V

Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистического Партии Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев сидел в своем кремлевском кабинете за столом красного дерева в удобном коричневом кресле. Слева, под рукой, возле окна, находился маленький столик с рядом белых телефонов. А над головой висел портрет Ленина.

Время позднее, надо собираться домой. Раиса уже звонила, ругалась, что опять допоздна работает – не бережет здоровье. Михаил Сергеевич улыбнулся, он по-прежнему любил ее, хотя столько лет уже вместе. Дочка Ирина давно выросла, кандидатскую по медицине защищает! Внучка Ксюша подрастает – пять лет уже! Самые родные люди. Именно для них, в первую очередь, он старается. Его дочь и внучка будут жить в новой стране. Ну и они с Раисой еще далеко не старики, еще увидят новый мир! Горбачев очень в это верил. А еще он очень хотел, чтобы его имя осталось в истории навечно. Чтобы памятники ему стояли по стране, рядом с памятниками Ленину. Что ж, у каждого свои слабости.

Он уже хотел нажать кнопку селектора, чтобы вызвать секретаря, как прозвучал голос:

– Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

Горбачёв вздрогнул и резко поднял голову. Прямо перед ним, по другую сторону стола, в кресле для посетителей си-

дел молодой человек и, улыбаясь, смотрел ему прямо в глаза. Генеральный секретарь ЦК КПСС уже открыл рот, чтобы задать вопрос, но глаза незнакомца вдруг расширились до размеров огромной воронки, в которую он и провалился.

* * *

– Здравствуйте, Михаил Сергеевич! – сказал я и увидел, как он вздрогнул, резко поднимая голову. Наши глаза встретились, он быстро моргнул и взгляд его застыл. Уже становящаяся привычной картина.

– Скажите секретарю, чтобы он вас не беспокоил в течение получаса, никого к вам не пускал и ни с кем не соединял.

Горбачев нажал кнопку селектора и повторил сказанное мною. Я посмотрел сквозь стену, включив «рентген» и увидел, что секретарь занялся чтением каких-то бумаг. Итак, у нас есть полчаса. Должно хватить.

До этого я несколько раз открывал телепортационное окно, были и подходящие моменты, но я никак не мог решиться. Всё же, как ни крути, то, что я хотел сделать, было историческим моментом. И я откровенно побаивался той ответственности, которую решил взвалить на собственные плечи. Да, в прошлой истории итоги Перестройки были плачевными и кровавыми. Но не сделаю ли я только хуже? Не увеличит ли мой шаг общее количество зла в мире? Кто я вообще такой, чтобы решать, что лучше, а что хуже?

С другой стороны, а кто такой этот человек с пятном на голове, чтобы решать судьбу миллионов граждан СССР и мою

собственную судьбу тоже? Он чем-то лучше меня? Он больше знает и понимает? История показала, что нет. Всё, что он смог сделать – это разрушить, построить ничего он так и не сумел. Разрушить огромную страну, которую не он строил. Разрушить миллионы жизней, включая и мою жизнь. Кто ему дал на это право?

Я понимал, что придумываю оправдания для себя. Более того, я с ним был согласен в том, что Перестройка в стране необходима. Я не собирался от нее отказываться. Я лишь хотел избежать трагедии для страны и для людей, в ней живущих. В будущем президент России Путин скажет, что самая большая трагедия двадцатого века – это развал СССР. Предсказуемо, никто на Западе и даже никто из местной оппозиции, даже не попытался разобраться в том, что он имел в виду. Его тут же обвинили в ностальгии по тоталитарному государству. А вот мне кажется, что он имел в виду совсем другое, что понятно из контекста тех его слов. Он имел в виду трагедии миллионов людей, лишенных работы, лишенных средств к существованию, лишенных защиты от правоохранительных органов, лишенных всех своих накоплений, а часто лишенных и своих домов, квартир, да и самой жизни. Там, на Западе, это, конечно, никого не волновало. Для них это просто очередная строчка в новостной ленте. Что тоже понятно, каждого заботят лишь свои проблемы. А проблемы тех, кого десятилетиями пропаганда рисовала как врагов, даже радуют. Таков человек в этом падшем мире.

Но вот я решился и нахожусь здесь, а передо мной человек, который уничтожит СССР. Не он один, конечно, не он один... Но он главный.

Вообще, Горбачев мне даже нравился. Мне кажется, что он романтик, искренне верящий в то, что делает, и сильно переживавший потом о провале своих планов. Однако романтиков во власти, по моему мнению, вообще следует опасаться больше всего. Слишком уж кроваво обходится народу воплощение их идей. К тому же Горбачев слишком тщеславен, а это тоже мешает видеть реальность.

Ну, что ж, пожалуй, хватит рефлексировать, надо дело делать. Приступим:

– Михаил Сергеевич, вы меня слышите?

– Да, слышу.

Голос деревянный, значит, гипноз глубокий. То, что сейчас нужно. Вообще, я за прошедшее время научился регулировать и силу внушения. Все оказалось достаточно просто. То же самое виртуальное колесико, которым я прибавляю и убавляю мощность. Можно сделать внушение легким и незаметным ни для окружающих, ни для самого пациента. Он до конца жизни будет думать, что это были его идеи, его чувства, его планы. Но если нужно что-то сделать быстро и максимально эффективно, то – колесико выворачиваем на полную мощность, как сейчас. В этом случае человек полностью теряет контроль над собой и превращается в бездумного исполнителя твоих указаний. Как тогда, первый раз, с тем

фарцовщиком.

– Внимательно запоминайте всё, что я скажу. Если необходимо, записывайте. Понятно?

– Да, – Горбачев взял ручку и придвинул к себе лист бумаги.

– Сейчас в Дрездене служит сотрудник КГБ СССР Путин Владимир Владимирович, 1952 года рождения. Находится он там по линии внешней разведки КГБ под прикрытием должности директора дрезденского Дома дружбы СССР – ГДР. Записали?

– Да.

– Этот человек вам нужен, он вам крайне необходим. Вы сделаете всё, чтобы вызвать его в СССР и зачислить в свой аппарат на должность... ну, скажем, советника по особым вопросам. Когда он скажем вам следующую фразу: «Михаил Сергеевич, я давно мечтал пожать вашу руку!», вы поступаете в его полное распоряжение, выполняете все его указания и следуете всем его советам, какими бы они ни были. Прикажет умереть – умрете, прикажет убить – убьёте. Но это должно сохраняться в тайне, все должны быть уверены в том, что главный именно вы, а он ваш подчиненный. Полная секретность! Это ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.